

БАБУШКА В ЗАКОНЕ

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

Марк Вельский

Бабушка в законе

<https://litres.ru/74674318>

SelfPub; 2026

Аннотация

Антонине Павловне Рябининой семьдесят два года. Она бывший директор советского гастронома, привыкшая к порядку, строгой отчётности и тому, что за каждую копейку кто-нибудь должен отвечать.

Однажды она получает неожиданное наследство — контрольный пакет крупной логистической компании погибшего племянника.

Вот только вместе с фирмой ей достаются подозрительные бухгалтерские документы, криминальные партнёры и люди, которые очень хотят, чтобы пожилая женщина поскорее продала бизнес.

Но бандиты явно не учли одного: Антонина Павловна пережила девяностые, руководила советской торговлей и совершенно не боится мужчин в дорогих костюмах.

Начав с обычной ревизии, она неожиданно выходит на след крупной аферы и понимает, что смерть племянника могла быть вовсе не случайной.

Теперь преступникам предстоит столкнуться с самым страшным противником в своей карьере — принципиальной пенсионеркой с калькулятором.

Содержание

Глава 1. Слишком вежливый звонок	5
Глава 2. Полгода тишины	15
Глава 3. Северный путь ведёт на юг	23
Глава 4. Вопросы к директору	35
Глава 5. Двадцать пять процентов	52
Глава 6. Пустая ведомость	60
Глава 7. Обычный несчастный случай	74
Глава 8. Семьдесят три копейки	86
Глава 9. Порядок выдачи ключей	99
Глава 10. Цена спокойствия	114
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Марк Вельский

Бабушка в законе

Глава 1. Слишком ВЕЖЛИВЫЙ ЗВОНОК

Антонина Павловна Рябикина не любила неожиданностей. Особенно тех, которые начинались с вежливого мужского голоса и слов «вам необходимо подъехать с паспортом».

За семьдесят два года она усвоила: если человеку действительно хотят сделать приятное, его не просят куда-нибудь подъезжать. Ему либо приносят цветы, либо сообщают, что ошиблись в квитанции и теперь он ничего не должен.

В понедельник, четырнадцатого сентября, в половине десятого утра Антонина Павловна сидела за кухонным столом и разбиралась с платой за отопление. Сентябрь выдался тёплым, батареи оставались холодными, а цифра в платёжке вела себя так, будто в её квартире круглосуточно плавилась сталь.

Телефон зазвонил как раз в тот момент, когда она нашла расхождение в сорок восемь рублей и шестьдесят копеек.

— Рябикина, — сказала она, не глядя на экран.

— Доброе утро. Антонина Павловна? Вас беспокоит помощник нотариуса Елены Викторовны Макаровой. Мы звоним по наследственному делу Ильи Сергеевича Рябина.

На кухне стало тихо.

За окном дворник с серьёзным видом гонял один и тот же жёлтый лист от скамейки к урне. Чайник щёлкнул и отключился.

— Я слушаю, — сказала Антонина Павловна.

— У нас имеется завещание. Нужно уточнить, когда вам удобно приехать для ознакомления с документами. Срок для подачи заявления ещё не истёк.

— Какое завещание?

— Завещание вашего племянника.

— Я поняла, чьё. Я спрашиваю — на что?

Молодой человек на другом конце провода замешкался. Антонина Павловна терпеливо ждала. Она слишком хорошо знала эту паузу: так кассир в старые времена изучал чек, в котором обнаружилась лишняя строка.

— Эти сведения нотариус сообщит при личном приёме.

— А вы не можете сказать, речь идёт о квартире, машине или коллекции галстуков?

— К сожалению, нет.

— Почему же к сожалению? У Ильи хорошие были галстуки.

Секретарь кашлянул. Они договорились на двенадцать тридцать. Антонина Павловна записала адрес на обороте ре-

кламного листка, положила телефон экраном вниз и ещё долго смотрела на собственную ровную строчку.

Илью похоронили двадцать девятого марта. В день похорон шёл мокрый снег, который не мог определиться, следует ли ему падать с неба или сразу превращаться в грязь.

Племяннику было тридцать девять. В заключении значилось: смертельная травма в результате падения с высоты. На складе принадлежащей ему компании, поздним вечером, без свидетелей. Антонина Павловна прочитала эти слова три раза и всё равно не смогла соединить их с мальчишкой, который в двенадцать лет боялся залезть на верхнюю полку в кладовке.

На похоронах собралось много мужчин в дорогих пальто. Некоторые держали зонты, хотя снег уже закончился. Другие не столько прощались с Ильёй, сколько следили за тем, кто приехал и кто уехал. Антонина Павловна тогда решила, что у современной торговли появилась неприятная особенность: слишком много народу, которому нечего сказать о покойном.

Она стояла у гроба рядом с дальней родственницей, с которой виделась раз в десятилетие. Никто не подошёл поговорить о том, каким Илья был ребёнком. Зато высокий мужчина с короткой шеей и слишком дорогими часами спросил, не требуется ли ей помощь «по любым вопросам».

— Требуется, — ответила она. — Не заслоняйте, пожалуйста, фотографию.

Мужчина отошёл и больше не приближался.

Последний разговор с племянником состоялся почти три года назад. Илья приходил к ней на чай, долго рассказывал про грузоперевозки, складские комплексы и необходимость «работать с теми, с кем приходится». Антонина Павловна слушала до тех пор, пока он не произнёс фразу, которую она терпеть не могла: «Тётя Тоня, сейчас все так делают».

— Все — это кто? — спросила она.

— Ну, рынок.

— Рынок на Калужской площади я тридцать лет знаю. Если бы там все так делали, половина сидела бы, а другая половина охраняла.

Илья обиделся. Она — вслед за ним. В тот вечер он ушёл, не доев пирог с капустой, и больше не заходил.

Она несколько раз собиралась позвонить, но так и не решилась. Сначала мешала гордость, потом — стыд за эту гордость. Когда наконец решилась, номер уже не отвечал.

Антонина Павловна свернула рекламный листок вчетверо и убрала в сумку.

— Ну что ж, Илюша, — произнесла она в пустой кухне. — Посмотрим, что ты там устроил.

К половине первого она была у нотариуса. Пришла раньше на девять минут: опаздывать считала неуважением, приходиться за полчаса — желанием показать, что больше заниматься нечем.

Приёмная располагалась на втором этаже новенького

офисного здания. В холле пахло кофе, ремонтом и деньгами, которые зарабатывались не руками. На стене висел абстрактный пейзаж. Антонина Павловна долго разглядывала его и пришла к выводу, что художник либо изображал метель, либо красил забор ночью.

Помощник нотариуса оказался молодым человеком с безупречной причёской и уставшими глазами. Он взял паспорт, предложил воду и попросил немного подождать.

— Вода у вас бесплатная? — уточнила она.

— Разумеется.

— Тогда не надо. Я ещё с собой принесла.

В кабинете нотариус Макарова оказалась женщиной лет пятидесяти с голосом человека, который за день выслушивает слишком много семейных трагедий, чтобы удивляться новым.

Она выразила соболезнования. Антонина Павловна кивнула. Слова были правильные и ничего не меняли.

— Илья Сергеевич составил завещание в феврале этого года, — сказала Макарова, открывая папку. — Всё принадлежащее ему имущество, за исключением отдельно указанных личных вещей, он завещал вам.

— Почему мне?

Нотариус подняла глаза.

— Причину он не указал.

— Это зря. Хоть раз мог бы объясниться.

Макарова положила перед ней копию завещания. Анто-

нина Павловна надела очки и медленно прочитала две страницы. Внизу стояла знакомая подпись Ильи — размашистая, самоуверенная, с петлёй у последней буквы. Он так подписывал школьные дневники, пока учительница не заставила писать фамилию разборчиво.

— Тут доля в обществе с ограниченной ответственностью, — произнесла она. — Семьдесят пять процентов. Это как понимать?

— У вашего племянника был контрольный пакет долей компании «Северный путь».

— А остальные двадцать пять?

— Принадлежат другому участнику общества. Его имя мы можем уточнить по регистрационным документам.

— То есть мне досталась фирма?

— Не вся. Доля в уставном капитале. После оформления наследства вы сможете осуществлять права участника в предусмотренном законом порядке. Но прежде нужно проверить устав общества и состав наследственного имущества.

— А чем эта фирма занимается?

— Насколько следует из документов, логистикой.

— Это перевозки?

— В основном да.

— Тогда говорите «перевозки». Я не собираюсь наследовать словарь.

Впервые за встречу нотариус едва заметно улыбнулась.

Она объяснила порядок подачи заявления, сроки, осо-

бенности наследования доли и необходимость юридической проверки компании. Антонина Павловна слушала внимательно, иногда записывала и уточняла. В торговле она быстро усвоила, что за документом с мелким шрифтом часто стоит человек с крупными намерениями.

— Скажите, — спросила она под конец, — а если у этой фирмы долги?

— Этот вопрос требует отдельного изучения. Наследование связано не только с активами. Советую получить профессиональную консультацию до принятия дальнейших решений.

— То есть радоваться пока рано.

— Я бы не стала употреблять это слово.

— Правильно, — сказала Антонина Павловна. — Я тоже.

Она вышла в коридор с копиями документов в папке и незнакомым названием, которое теперь почему-то касалось её лично.

Возле окна стоял крупный мужчина в тёмном пальто. Его короткая шея, тяжёлые веки и массивные часы показались знакомыми.

Он узнал её первым.

— Антонина Павловна? — Мужчина шагнул навстречу. — Борис Шатов. Мы виделись на похоронах Илюхи.

Она вспомнила человека, заслонявшего фотографию.

— Помню. Вы тогда очень мешали смотреть.

На мгновение его лицо стало пустым, потом расплылось

в улыбке.

— Вот и встретились. Как раз хотел поговорить о наследстве. Думаю, мы найдём разумное решение.

— Вы нотариус?

— Нет, я партнёр Ильи. По бизнесу.

— Тогда нотариус у меня уже был. Бизнес подождёт.

Она попыталась пройти мимо, но Шатов не сдвинулся.

— Понимаете, ситуация деликатная. Компания не в лучшем положении. Вам совершенно ни к чему эти хлопоты. Я готов выкупить вашу долю, быстро и без бумажной волокиты.

Антонина Павловна посмотрела на него поверх очков.

— Вы мне предлагаете продать то, чего я ещё не получила?

— Я предлагаю избавить вас от проблем.

— От проблем меня обычно избавляют сантехник и участковый. Вы кем работаете?

Мужчина усмехнулся. Теперь уже с некоторым усилием.

— Вы не понимаете, с чем связались.

— Пока понимаю только одно: вы подошли ко мне в коридоре нотариальной конторы и уже два раза предложили выкупить у меня моё же имущество. Ничего хорошего это о ваших деловых качествах не говорит.

— Антонина Павловна, вы человек пожилой...

— Семьдесят два года, — перебила она. — Если хотите проявить заботу, уступите дорогу.

Шатов отступил. Она спокойно прошла к лестнице. На первом этаже застегнула пальто, проверила, на месте ли паспорт, и только тогда заметила, что ладони дрожат.

Не сильно. Но дрожат.

Во дворе она постояла под навесом, пока дыхание не стало ровным. Потом достала телефон и набрала подругу Валентину.

— Валя, здравствуй. У тебя зять всё ещё юрист?

— А что случилось?

— Пока не знаю. Мне племянник фирму оставил. Там какие-то перевозки и один очень настойчивый человек.

— Тоня, ты что, миллионерша?

— Валя, когда человека на похоронах спрашивают про помощь, а у нотариуса уговаривают срочно продать наследство, я бы на твоём месте первым делом спросила, не мошенники ли это.

— Ты хочешь сказать, тебя обманывают?

Антонина Павловна посмотрела на двери офисного здания. За стеклом, в холле, стоял Шатов и разговаривал по телефону. На лице его больше не было улыбки.

— Пока не знаю, — повторила она. — Но если обманывают, то зря.

Она спрятала телефон в сумку и направилась к метро. Дома её ждали остывший чай, платёжка за отопление и сорок восемь рублей шестьдесят копеек, которые она по-прежнему намеревалась вернуть.

Просто теперь у неё появилась ещё одна бухгалтерия. Значительно крупнее.

Глава 2. Полгода тишины

Валентина жила через два дома и считала себя человеком, способным найти специалиста по любому вопросу. При необходимости она могла за двадцать минут раздобыть электрика, хорошего стоматолога и женщину, которая покупает старые шубы. С юристом оказалось сложнее: зять действительно был юристом, но занимался разделом имущества супругов.

— А что, твоя фирма не имущество? — возразила Валентина, доставая из духовки творожную запеканку.

— Имущество. Только супруги там, насколько я понимаю, другие. Один уже умер, а второй пытается меня купить.

— Тоня, ты как скажешь, хоть записывай.

— Записывай. Может, пригодится при даче показаний.

Они сидели на тесной кухне Валентины. На подоконнике стояли три горшка с геранью, на холодильнике висел магнит с надписью «Жизнь прекрасна», рядом — расписание приёма лекарств, написанное таким почерком, что даже врач, назначивший лекарства, едва ли разобрал бы его.

Зять Валентины, Павел Руднев, приехал вечером с ноутбуком, папкой и выражением человека, которому сообщили о необходимости чинить семейный телевизор.

— Только сразу говорю: корпоративное право не мой основной профиль, — предупредил он.

— Прекрасно, — сказала Антонина Павловна. — Хоть один человек за день честно рассказал, чем не занимается.

Павел просмотрел завещание и выписку из реестра, которую Антонина Павловна заказала в электронном виде. Выяснилось, что «Северный путь» существует тринадцать лет. У него несколько складских объектов в аренде и большой штат. Лицензии на определённые виды работ не требуются, а уставный капитал по сравнению с оборотом выглядит почти скромно.

— Сама компания может стоять значительно больше номинала доли, — объяснил Павел. — Но прежде нужны отчётность, долги, договоры, реальное состояние активов. И устав: надо проверить порядок перехода доли наследнику.

— А если второй владелец не захочет меня пускать?

— Тогда будем смотреть, что написано в уставе и какой порядок предусмотрен законом. Семьдесят пять процентов — это контрольная доля, но не волшебная палочка. Водителям вы команды отдавать не можете. Для этого существует директор.

— Слава богу. Я ими и не собиралась командовать. Мне бы понять, куда они ездят.

Павел улыбнулся и тут же перестал, увидев две бумаги, которые она положила перед ним.

Первое письмо принесли в её квартиру на следующий день после встречи у нотариуса. На фирменном бланке «Северного пути» значилось, что компания столкнулась с кри-

тическим снижением выручки и обязательствами перед кредиторами. Подпись стояла не директора, а финансового директора — Тамары Гришиной. Внизу аккуратно дописали от руки: «Искренне сочувствуем вашей утрате».

Второе письмо, доставленное курьером ещё через два дня, исходило от представителя Бориса Шатова. Там предлагали выкупить всю наследуемую долю за двадцать два миллиона рублей с последующим «полным освобождением от возможных экономических рисков».

— Двадцать два миллиона, — повторила Валентина с таким чувством, будто называла количество пострадавших от стихийного бедствия.

— Не считай, — попросила Антонина Павловна. — Чужие деньги любят счёт только после того, как перестают быть чужими.

Павел сравнил даты на письмах.

— Забавно. В среду компания почти банкрот. В пятницу её доля уже интересует покупателя на восемь цифр.

— Значит, к пятнице поправились, — сказала хозяйка документов.

Юрист попросил ничего не подписывать и предложил провести независимую проверку. Денег за первую консультацию он не взял, зато получил с собой две порции запеканки и обещание Валентины больше не рассказывать родственникам, будто он «спасает невинных женщин от алиментов».

В ближайший понедельник Антонина Павловна подала

нотариусу заявление о принятии наследства. До окончания шестимесячного срока оставалось несколько дней. Павел объяснил: проверять документы компании и обсуждать её долги можно будет и потом, а вот опоздание с заявлением придётся исправлять совсем другим порядком. Она подписала заявление и только после этого позволила себе немного выдохнуть.

В течение недели Антонина Павловна занялась делами с основательностью, которую раньше применяла к инвентаризации крупы. Она перечитала документы, нашла несколько старых сообщений Ильи, заказала ещё одну выписку и составила вопросы по пунктам. В перечне было тридцать семь строк. Пункт первый: «Кто в действительности руководит?» Пункт двадцать пятый: «Почему никто не спросил, хочу ли я это наследство?» Пункт тридцать седьмой: «Кто отвечает за пожарную безопасность?»

Последний вопрос появился не случайно. На фотографии склада, которую она нашла в интернете, коробки стояли вплотную к щиту с красным огнетушителем. Она двадцать семь лет отвечала за гастронорм и не могла пройти мимо такого нарушения даже в цифровом виде.

Во вторник она попыталась самостоятельно дозвониться до старого телефона племянника. Номер долго молчал, потом ответил незнакомый мужчина.

— Да? — спросил он настороженно.

— Мне нужен Илья Рябинин.

— Вы ошиблись.

— Я-то как раз не ошиблась. Это его номер семь лет был.

— Номер переоформлен. Больше сюда не звоните.

Мужчина отключился. Она ещё несколько секунд держала телефон у уха, слушая короткие гудки. До этого ей казалось, что связь с Ильёй просто оборвалась. Теперь выяснилось: даже привычные цифры, которые она помнила наизусть, уже принадлежали другому человеку.

По дороге в магазин Антонина Павловна остановилась возле киоска, в котором много лет назад покупала племяннику мороженое. Киоск давно стал пунктом выдачи заказов. Очередь стояла из молодых людей с телефонами, каждому выдавали коробку, на которой было написано больше слов, чем на её школьном аттестате. Она вдруг подумала, что Илья, наверное, без труда объяснил бы, зачем человеку понадобилась фирма по перевозке пустых коробок. А она бы всё равно возразила.

Из магазина она принесла хлеб, молоко и толстую общую тетрадь. На обложке было нарисовано озеро, совершенно не похожее на любое озеро, которое она видела. В тетради появился новый раздел: «Люди». Первое имя — Борис Шатов. Второе — Тамара Гришина. Ниже она написала: «Не путать плохое впечатление с преступлением».

Вечером Павел позвонил уточнить, готова ли она к формальному оформлению прав. Антонина Павловна спросила, нельзя ли узнать размер долгов компании, не сообщая со-

трудникам, что они подозреваются в сокрытии долгов.

— Можно запросить бухгалтерскую отчётность и сведения о судебных делах. Но полной картины до доступа к первичке не будет, — объяснил он.

— А если первичку мне не дадут?

— Тогда будем добиваться документов предусмотренными способами.

— Сколько это займёт?

— Не отвечу, пока не пойму, с чем имеем дело.

Она уважала подобные ответы, хотя они её раздражали. В гастрономе покупателю обычно достаточно было показать срок годности товара. Здесь срок годности оказался не указан ни на одном человеке.

В пятницу позвонила незнакомая женщина.

— Антонина Павловна? Тамара Гришина, финансовый директор «Северного пути». Хотела лично выразить соболезнования. И предупредить: вы можете столкнуться с неприятными сложностями. Бизнес — такая вещь...

Голос был спокойный, бархатистый, без единой лишней интонации. Так разговаривают люди, которые заранее знают, какое впечатление собираются произвести.

— Что за сложности?

— Кредитная нагрузка. Договоры с отсрочкой оплаты. Конфликты с подрядчиками. Борис Михайлович предлагает очень разумное решение.

— Он уже дважды предлагал. Скажите, Тамара...

— Викторовна.

— Тамара Викторовна, вы сейчас на работе?

— Разумеется.

— Тогда отчёт за прошлый год на какую сумму закрыли?

Пауза длилась всего секунду, но Антонина Павловна её услышала.

— Такие вопросы лучше обсуждать после оформления ваших полномочий.

— Согласна. А соболезнования можно обсуждать без полномочий. За них спасибо.

После разговора ей стало нехорошо. Не из-за цифр и не из-за предполагаемых долгов. Тамара Викторовна несколько раз назвала Илью по имени так мягко и привычно, будто они сидели за одним столом вчера. Антонина Павловна поймала себя на ревности к незнакомой женщине: та знала последние годы племянника, а она — нет.

Вечером она достала коробку с фотографиями. На одной Илья лет восьми стоял возле магазинной ёлки, держа в руках мандарин размером с кулак. На другой, уже подростком, помогал тёте таскать мешки картошки. Тогда он постоянно задавал вопросы: откуда берутся наценки, почему люди воруют шоколадки, можно ли организовать магазин так, чтобы никто никогда не воровал.

«Можно, — ответила она в тот раз, — если закрыть магазин и никого не пускать».

Она засмеялась над собственными словами — и вдруг за-

плакала, коротко, почти сердито. Потом вытерла глаза рукавом халата и убрала фотографии.

В середине октября нотариус выдала свидетельство о праве на наследство. Павел помог проверить учредительные документы и подготовить действия для внесения изменений в реестр. Прямого запрета на переход доли наследникам в уставе не оказалось. Формальности ещё требовали времени, но теперь у Антонины Павловны был документ, который даже Борис Шатов не мог назвать недоразумением.

В тот же день она отправила компании официальный запрос на ознакомление с отчётностью и назначила встречу в офисе на ближайший понедельник.

Ответ пришёл через час: «Будем рады. Все необходимые материалы подготовим».

Ещё через десять минут с неизвестного номера пришло короткое сообщение: «Не приезжайте одна».

Она показала его Павлу.

— Угроза? — спросил он.

— Пока совет. Жаль, не подписались. Я бы уточнила, кого с собой брать — свидетеля или врача.

Павел настоял, что поедет вместе с ней. Антонина Павловна согласилась без спора. Это его насторожило больше всех полученных писем.

Глава 3. Северный путь ведёт на юг

Компания «Северный путь» находилась на юге Москвы, о чём Антонина Павловна сообщила Павлу уже в машине.

— Обманывают с самого названия, — сказала она.

— Это не географический указатель, Антонина Павловна.

— А зря. Я бы после такого проверила все накладные.

Они ехали по промышленной улице, вдоль которой тянулись серые заборы, автомойки и предприятия с названиями, обещавшими блестящее будущее. «Инновационные решения», «Европейская логистика», «Лидер рынка». Только выбоины на дороге оставались отечественными и постоянными.

У ворот «Северного пути» висела новая вывеска. Под ней скучал охранник в короткой куртке. Слева от шлагбаума стоял чёрный внедорожник размером с однокомнатную квартиру, справа — второй, чуть поменьше.

— Это служебные? — спросила Антонина Павловна.

— Возможно, — ответил Павел.

— Тогда на чём же ездят сотрудники богатых компаний?

Охранник взглянул на её паспорт, на свидетельство, на Павла и наконец на собственный монитор.

— У меня в списке только Руднев Павел Сергеевич, — объявил он.

— А Рябинина Антонина Павловна вам в списке не нуж-

на?

— Ну как... пропуск нужен.

— Вчера фирма моя стала, а сегодня меня в фирму не пускают. Интересное начало трудовых отношений.

Охранник растерялся настолько, что машинально предложил оформить гостевой пропуск. Она согласилась, заставила его записать время входа и попросила проверить, кто утверждал список гостей.

— Начальство, — ответил он.

— С этим понятно. Фамилия у начальства имеется?

Её проводили в офис. Внутри обнаружились стеклянные перегородки, кофемашина, большой телевизор на стене и восемь человек, занятых разглядыванием нового посетителя. Офисный воздух пах кофе и пластиком. На ресепшене девушка поднялась так резко, что уронила ручку.

Директор Виктор Леонидович Барсуков встретил их возле переговорной. У него были гладко зачёсанные волосы, дорогой ремень и улыбка, которую он включал с усилием, как неисправный кондиционер.

— Антонина Павловна! Какая честь. Мы как раз всё подготавливали. И чай, и кофе, и презентацию.

— Годовой отчёт тоже?

— Конечно. В общих чертах.

— Я приехала не за общими чертами. У вас конкретная компания.

На столе уже лежали папки. Сверху красовался буклет

«Северный путь: надёжность в каждом километре». На первом развороте фотографии счастливых дальнобойщиков выглядели так, будто их снимали после выплаты премии. На втором была диаграмма без подписей к осям.

— Какие красивые стрелочки, — заметила Антонина Павловна. — А цифры где?

Барсуков собрался объяснять стратегию, но Павел открыл ноутбук и попросил оборотно-сальдовые ведомости, договоры с основными контрагентами и сведения о судебных спорах. Директор впервые посмотрел на него внимательно.

— Возможно, нам потребуется время.

— У вас оно было, — сказал Павел. — Запрос направляли заранее.

Пока они препирались, дверь открылась и вошла женщина в тёмно-зелёном свитере и рабочих ботинках. Она не извинялась за появление и явно не собиралась восхищаться презентацией.

— Виктор Леонидович, третий погрузчик опять встал. Механики требуют акт, а водитель с утра ждёт загрузку. Если решать будете завтра, груз тоже отправим завтра.

— Ирина, сейчас не время...

— Простите, — сказала женщина, увидев гостей. — Не знала, что совещание.

— Зато я теперь знаю, — ответила Антонина Павловна. — А что у вас с погрузчиком?

— Старый. Надо менять гидравлику, а нам третий месяц

обещают ремонт.

— Кто обещает?

Ирина указала подбородком на директора. Тот неожиданно заинтересовался буклетом.

— А новый купить дорого? — спросила Антонина Павловна.

— Дорого. Но дешевле, чем каждый день платить за простой.

— Вот и давайте считать. Как вас зовут?

— Ирина Сафонова. Начальник склада.

— А меня Антонина. Без отчества можно только после того, как познакомимся поближе.

Барсуков поспешил сообщить, что вопрос с погрузчиком находится на контроле.

— У кого? — спросила Антонина Павловна.

Ответа не последовало.

Она попросила Ирину показать склады. Павел начал было напоминать о встрече, но по выражению лица понял: сегодня порядок будет устанавливать не он.

Они прошли между рядами палет. Пахло картоном, машинным маслом и мокрым бетоном. Где-то гудел электрический штабелёр. Ирина шла быстро, говорила коротко, без заискивания. Оказалось, у склада две смены, несколько зон хранения и договоры с десятками клиентов.

— А это что? — спросила Антонина Павловна возле ряда коробок, прислонённых к пожарному щиту.

Ирина проследила за её взглядом.

— Временная разгрузка. Я уже дважды велела убрать.

— Велите третий. При мне. А потом выясните, кто не услышал первые два раза.

Ирина негромко засмеялась.

— Вы действительно директор гастронома были?

— Была. Люди менялись, картошка оставалась. Трудная школа.

Они заглянули в диспетчерскую. За двумя мониторами сидел мужчина в наушниках, а перед ним стояла тарелка с недоеденным бутербродом. На экранах перемещались маленькие прямоугольники машин.

— А это что у вас за красные квадратики? — спросила Антонина Павловна.

— Опоздания, — пояснил диспетчер. — У нас маршруты по цветам. Зелёный идёт по графику, жёлтый задерживается, красный — проблема.

— У вас, судя по экрану, половина страны красная.

— Сегодня пробки.

— Пробки были и в мои времена. Просто мы их на экран не выводили, чтобы не пугаться раньше срока.

Мужчина немного оживился и показал, как водитель отправляет отметки о доставке. Некоторые отметки приходили с фотографией накладной, другие — только с кодом. Антонина Павловна заметила, что один маршрут значится закрытым, хотя машина ещё стоит возле склада.

— Это техническая отметка, — поспешил объяснить диспетчер. — Потом всё синхронизируется.

— А если водитель вообще никуда не уедет?

— Тогда исправим.

— Кто?

— Я, когда скажут.

— Значит, два человека должны не забыть: один — уехать, второй — исправить. А если оба забудут, всё будет выглядеть так, будто груз уже доставлен. Удобно.

Диспетчер поглядел на Ирину. Та пожала плечами и сказала:

— Она только первый день, Серёжа. Привыкай.

На выходе из диспетчерской Антонина Павловна услышала, как один из грузчиков сказал другому: «Сейчас новую хозяйку накормят презентацией — и отпустят». Она остановилась, повернулась и спросила:

— А вас чем кормят?

— В столовой, — выдавил грузчик.

— Хорошо кормят?

— Да вроде.

— Вот и мне нужна не презентация, а то, что внутри. Снаружи у вас всё очень аппетитно.

Ирина тихо засмеялась. Грузчик спрятал лицо за палетой. Антонина Павловна не стала развивать успех: ей было важно, чтобы работники перестали воспринимать её как случайную старушку и начали говорить с ней нормально. По доро-

ге Ирина рассказала, что зимой людям дважды задерживали премии, хотя расходы на представительские автомобили не сокращались. Уволиться хотели трое опытных водителей. Она удержала их разговорами, не повышением зарплаты.

— Так не должно быть, — сказала Антонина Павловна.

— А вы думаете, я не знаю?

— Думаю, вы знаете. Потому и показываете мне не красивые стрелочки, а сломанный погрузчик.

Они уже собирались идти дальше, когда из соседнего прохода слышался металлический стук, за ним — короткая, очень выразительная тишина. Ирина остановилась раньше всех.

— Только не это, — сказала она и свернула за стеллаж.

За углом двое грузчиков стояли перед разорванной упаковкой. На полу лежали банки с зелёным горошком. Большая часть уцелела, несколько покатались под палету. Молодой грузчик в жилете смотрел на погрузчик так, будто тот только что дал показания против него.

— Никто не пострадал? — спросила Ирина.

— Нет, — ответил старший. — Стяжка лопнула. Мы предупреждали, что партия плохо упакована.

— Предупреждали кого?

— Сменного. Он сказал принимать как есть.

Антонина Павловна наклонилась, подняла одну банку и прочитала этикетку. Потом поставила её на целый поддон.

— Когда мне в гастроном присылали горошек, — сказала

она, — мы всегда радовались. Правда, у нас он не пытался самостоятельно разъехаться по складу.

Молодой грузчик покраснел, хотя в произошедшем не был виноват. Он представился Андреем, признался, что работает второй месяц, и показал фотографию повреждённого палета, сделанную при разгрузке. Фото он сохранил из страха, что недостачу повесят на его бригаду.

— И правильно сделали, — сказала Ирина. — Но почему не оформили замечание?

— Потому что в прошлый раз за замечание премию сняли. Сказали, клиенту не нравится, когда мы ему портим бумаги.

Антонина Павловна уточнила, кто именно сказал. Андрей назвал начальника смены. Никакого криминального открытия в этой истории не было. Мелкая административная трусость, несовершенная упаковка, отсутствие подписи — обычная рабочая жизнь. Но она хорошо знала, во что превращается предприятие, когда каждый человек выбирает между правдой в документе и деньгами в конце месяца.

— Давайте-ка сделаем наоборот, — предложила она. — Сначала составим акт с фотографией. Потом разберёмся, кто вправе лишать вас премии и за что. А горошек соберём. Его, между прочим, выращивали не для того, чтобы мы здесь красивую картину наблюдали.

Ирина вызвала кладовщика. Тот принёс пустые коробки, начал сортировать банки и неожиданно спросил:

— Вы ведь не собираетесь каждый разбитый ящик лично

проверить?

— Нет. Я собираюсь проверить, почему без меня никто не может принять решение, которое и так написано в инструкции.

Кладовщик пожал плечами. Потом показал Ирине смятое уведомление: ещё неделю назад он требовал заменить растянутые стяжные ремни. Документ был подписан начальником участка и застрял без дальнейшего движения. Ирина сфотографировала его и пообещала выяснить причину задержки.

— Опять к директору пойдём? — спросил Андрей.

— Вы нет, — ответила Антонина Павловна. — Вы работать будете. А мы с начальством будем обсуждать, почему у вас фотографии вместо служебных объяснений.

Когда они вернулись в проход, Павел тихо заметил, что распоряжения собственницы должны оформляться в рамках её полномочий, а конкретную операционную проверку лучше поручить руководителю.

— Вот именно, — согласилась она. — Вы мне это при Дорохове повторите. Иначе он подумает, что я сюда пришла горошек в карманах носить.

Ирина улыбнулась. Но в её улыбке было заметно ещё что-то, кроме веселья. Впервые за долгое время начальнику склада не пришлось убеждать директора, что повреждённая упаковка — не личное оскорбление клиента, а повод сделать запись.

Они двинулись к дальнему корпусу. Звуки разгрузки оста-

лись позади. Там, куда они шли, не слышалось почти ничего.

У дальней ramпы висела табличка «Посторонним вход запрещён». Антонина Павловна остановилась. Здесь, по документам, погиб Илья. Пол был сухой. Жёлтые полосы на бетоне выглядели свежими, а металлическое ограждение отличалось от соседнего цветом.

— Это место недавно ремонтировали? — спросила она.

Ирина замедлила шаг.

— Да. После несчастного случая. Ограждение поставили новое.

— Кто распорядился?

— По-моему, директор. Могу посмотреть акты.

— Посмотрите. Я вернусь сюда отдельно.

По дороге обратно Ирина тихо сказала:

— Вы не первая спрашиваете про эту ramпу. Илья Сергеевич тоже спрашивал, только о другом. О ночных рейсах.

— Когда?

— За неделю до смерти. Сказал, чтобы без его подписи ничего не закрывали. А потом...

Она не договорила. Навстречу шла ухоженная женщина с серебристыми очками на цепочке. В руках она несла папку без единой наклейки.

— Антонина Павловна, — сказала женщина тепло. — Наконец познакомились лично. Тамара Викторовна Гришина. Я подготовила для вас финансовые сведения.

— Очень приятно. У вас спокойный голос. По телефону

тоже был спокойный.

— С финансами иначе нельзя.

— С финансами как раз иногда надо громко, — заметила Антонина Павловна.

Тамара рассмеялась ровно настолько, насколько позволяла вежливость. Она провела гостей обратно и достала подробный отчёт — настоящий, с таблицами, печатями и аккуратными сносками. Антонина Павловна почувствовала облегчение: хотя бы один сотрудник умел работать с бумагами.

Однако облегчение длилось недолго. Среди статей затрат она увидела обслуживание автомобильного парка и названия двух фирм, которых не было в публичных материалах.

— А кто такие «Транзит-Экспресс» и «Вектор-Сервис»?

— Наши подрядчики, — ответила Тамара. — Первые обеспечивают дополнительные перевозки, вторые техническое сопровождение.

— Тогда почему в отчёте они указаны вместе с ремонтом наших машин?

— Это специфика учёта, я поясню.

— Поясните письменно. Я устные пояснения плохо запоминаю. Особенно когда они красивые.

Павел поднял глаза от ноутбука. Тамара впервые перестала улыбаться.

На обратном пути Антонина Павловна долго молчала. У светофора Павел спросил:

— Как вам компания?

— Живой организм. Погрузчик болеет, директор улыбается, бухгалтер здоровая. Охрана не знает хозяев. Слишком много признаков запущенности.

— Вы решили продавать?

— Пока нет. Сначала узнаю, почему меня так торопят.

Вечером она позвонила в независимую аудиторскую фирму, контакты которой Павел проверил заранее. На вопрос, какие документы нужны для начала проверки, Антонина Павловна ответила:

— Все. Особенно те, которые мне посоветуют не смотреть.

Глава 4. Вопросы к директору

Во вторник Барсуков получил письмо, которое называлось «Перечень вопросов участника общества». Вопросы было сорок один. В приложении шёл список документов на трёх страницах, а в конце Антонина Павловна собственноручно дописала: «Ответы вроде „на контроле“ и „в процессе“ не считаются».

В девять утра директор вызвал Тамару Гришину.

— Она хочет посмотреть договоры за три года, — сказал он, потрясая письмом. — Это вообще законно?

— Участник общества вправе запрашивать документы в установленном порядке, — ответила Тамара. — Нам нечего скрывать.

— Вы это так говорите, будто сами ей письмо писали.

— Виктор Леонидович, письма обычно пишут те, кто умеет составить предложение без слова «оптимизация».

Она забрала список и быстро отметила несколько пунктов карандашом. Самым неприятным, по её мнению, был не запрос счетов. Антонина Павловна потребовала объяснить, почему три легковых автомобиля числятся за компанией, хотя отдел перевозок в течение года просил денег на запасные шины грузовикам.

К полудню в переговорной собрались Барсуков, Тамара, кадровик, Павел и Антонина Павловна. На столе стояли две

тарелки печенья, которое никто не трогал.

— Итак, — начала Антонина Павловна, — дорогие товарищи... Извините, у вас, наверное, принято «коллеги». Тогда дорогие коллеги, познакомимся с хозяйством.

Барсуков демонстративно поправил галстук.

— Хочу уточнить, что управление обществом — компетенция исполнительного органа.

— Очень хорошо. Мы его сейчас и послушаем. Что у вас с погрузчиком?

— Этот вопрос решается.

— Кем?

— Ответственными сотрудниками.

— Фамилии?

— Ну... технической службой.

— Виктор Леонидович, — вмешался Павел, — в нашей переписке вы сообщили, что акт на ремонт подписан ещё в июне. Исполнитель деньги получил. Почему оборудование неисправно?

Директор поискал глазами Тамару.

— Возможно, там другой погрузчик.

— Номер один и номер три? — уточнила Антонина Павловна. — Случается. Особенно если считать до трёх трудно.

Кадровик уткнулась в блокнот. Павел кашлянул, чтобы скрыть улыбку.

По очереди выяснилось: ремонт части техники закрывался актами без фактических работ, расходы на три предста-

вительских автомобиля не сопровождалось обоснованием, а служебные поездки директора в выходные оформлялись как переговоры с партнёрами. Где находились партнёры, никто сказать не смог.

— Превосходно, — подвела итог Антонина Павловна. — Машины ездят без покупателей, погрузчики ломаются без ремонта. Какое-то у вас предприятие наоборот.

Тамара объясняла несоответствия спокойно. В её словах находилось место и ошибкам классификации, и запоздавшим актам, и необходимости сезонного резервирования. Часть объяснений звучала убедительно. Это раздражало Антонину Павловну не меньше, чем беспомощность директора: перед ней сидел человек, который действительно разбирался в компании, и всё-таки предпочитал объяснять, а не показывать.

Когда формальное совещание закончилось, Антонина Павловна попросила принести ей список должностных обязанностей. Барсуков вызвал секретаря и предложил распечатать организационную структуру. Через десять минут на стол положили лист с двадцатью шестью прямоугольниками, соединёнными стрелками.

— Здесь начальник транспортного отдела подчиняется коммерческому директору, — сказала она. — А коммерческий директор кому?

— Мне, — ответил Барсуков.

— Это понятно. А кто отвечает за обслуживание машин?

Директор постучал пальцем по прямоугольнику «Технический блок».

— Тут.

— Я вижу. Фамилия у блока какая?

Секретарь принесла второй лист. Руководитель технического блока значился в отпуске без сохранения заработной платы. Его обязанности временно исполнял человек, уволившийся месяц назад. Сведения не успели обновить.

— Значит, погрузчик у нас должен чинить человек, которого здесь больше нет, — сказала Антонина Павловна. — Теперь мне понятно, почему ремонт длится третий месяц. Он, наверное, пытается выйти на работу из дома.

Барсуков попросил не превращать совещание в цирк.

— С удовольствием, — ответила она. — Но цирк у вас давно действует, а билеты почему-то оплачивает компания.

Когда директор вышел, секретарь задержалась у двери.

— Антонина Павловна, можно вопрос? Вы нас всех теперь уволите?

— А за что вас?

— Ну, нового директора поставите, всё поменяется...

— Если я буду увольнять каждого, кто пережил плохого начальника, у нас работать останется только плохой начальник. Вы умеете делать свою работу?

— Думаю, да.

— Не думайте. Покажите. Идите и подготовьте список действующих доверенностей. Посмотрим, кто ещё от имени

фирмы что-то подписывает.

Девушка ушла с таким облегчением, будто её только что приняли на испытательный срок. Антонина Павловна поняла, что эти люди боятся перемен не меньше, чем она сама. Разница лишь в том, что ей было семьдесят два и слишком поздно изображать, будто ничего не происходит.

После обеда в офис приехал аудитор — сухощавый мужчина по имени Артём Савельев, рекомендованный независимой фирмой. Он предупредил, что без доступа ко всем первичным документам не сможет сделать выводы.

— Пожалуйста, делайте как положено, — сказала Антонина Павловна. — Только если найдёте недостачу, не называйте её «особенностью учёта». Я это выражение уже слышала.

У Павла был подготовлен проект корпоративных решений. Неделей раньше он проверил устав, сроки созыва собрания, уведомления и документы, подтверждающие переход доли. Формальные требования нельзя было заменить бабушкиным характером, каким бы убедительным он ни казался.

— У вас есть большинство голосов, — объяснил он Антонине Павловне в коридоре. — Но всё равно проведём собрание с соблюдением процедуры. Нужен новый руководитель, который не станет прятать папки и мешать проверке. Это не снимает ответственность с прежнего.

Они заранее встретились с Валерием Дороховым, пятьде-

сят четырёх лет, бывшим управляющим транспортной компанией. У него были обычные ботинки, обычный портфель и необычная привычка начинать любой разговор с вопроса о просроченной дебиторской задолженности.

Антонина Павловна одобрила кандидатуру после двадцатиминутной беседы.

— А сколько вам нужно времени, чтобы понять, работает склад или делает вид?

— Неделю, — ответил Дорохов. — Если дадут документы.

— А если не дадут?

— Тогда два дня, чтобы понять, кто мешает.

— Подходите.

На собрании участников, созванном с соблюдением всех формальностей, Шатов голосовал против прекращения полномочий Барсукова, но контрольного пакета Антонины Павловны оказалось достаточно для принятия решения в предусмотренном порядке. Павел настоял на проверке оформления протокола и последующих регистрационных действий, чтобы у оппонентов не возникло удобного повода для судебного спора.

Барсуков получил распоряжение передать дела и неожиданно разволновался не из-за увольнения, а из-за автомобиля.

— Но там ещё бензин оплачен на месяц!

— Не пропадёт, — утешила его Антонина Павловна. — Машину вместе с бензином верните.

В тот же день после оформления решений Дорохов приступил к передаче дел. Секретарь вручила ему три списка паролей, два ключа и папку под названием «Текущие вопросы». Пароли не подошли, один ключ открыл шкаф с уборочным инвентарём, а в папке лежали распечатки инструкций из интернета о том, как вести деловые переговоры.

— Барсуков, видимо, готовился к серьёзной беседе, — сказал Дорохов.

— Судя по тому, что он обычно говорил, готовился плохо, — заметила Антонина Павловна.

В присутствии кадровика и сотрудника безопасности они составили акт о переданных доступах и организовали восстановление прав через официальных администраторов. Павел специально напомнил: никто не должен пытаться «вскрывать» чужие учётные записи или действовать под логином бывшего директора. Новому руководителю нужны собственные полномочия, а старые данные — в сохранности.

Задача оказалась сложнее ожидаемого. Барсуков некоторое время отвечал на звонки, затем стал говорить, что занят, и наконец выключил телефон. Секретарь призналась, что последнюю неделю он требовал печатать все распоряжения и складывать их в отдельный шкаф.

— Где шкаф? — спросила Антонина Павловна.

— У него в кабинете.

— Почему же тогда его нет в акте передачи?

— Он сказал, там личное.

— Что личное? Распоряжения служебные.

Когда в присутствии юриста открыли шкаф и составили опись содержимого, обнаружили запасные скобы для степлера, две коробки конфет, бейджи с трёх мероприятий и папка с копиями договоров, которые уже имелись у бухгалтерии. Ничего, что объясняло бы исчезновение доступов.

— А может, он просто не умеет работать, — сказала Антонина Павловна.

— И такое бывает, — согласился Дорохов. — Не каждое безобразие заговор.

Позже Дорохов собрал трёх начальников отделов, чтобы понять, какие обязанности прежний директор выполнял лично, а какие существовали только в служебных записках. В переговорной заспорили о том, кто должен утверждать ремонт машин, согласовывать доступ к архиву и отвечать на обращения сотрудников.

— Раньше всё шло через Виктора Леонидовича, — сказала секретарь.

— И он всё успевал? — уточнила Антонина Павловна.

— Не всегда.

— Тогда не будем выдавать неуспевание за систему управления.

Начальник снабжения предложил восстановить прежний порядок, просто заменив в каждом пункте фамилию Барсукова фамилией Дорохова. Павел возразил: часть решений должна приниматься по полномочиям подразделений, а не

скапливаться на одном столе. Начальник охраны заявил, что безопасность нельзя доверять никому, кроме руководства. Ирина ответила, что склад перестанет работать, если для каждого открытия ворот ждать подписи директора.

Спор получился шумным, но полезным. За полчаса выявились три ситуации, когда работники не знали, кому обращаться, и потому предпочитали молчать. Дорохов предложил временную схему с конкретными фамилиями и сроками ответа.

— А если человек в отпуске? — спросила Антонина Павловна.

— Заместитель.

— А если заместитель заболел?

— Тогда руководитель отдела.

— А если весь отдел исчез?

Дорохов посмотрел на неё с усталым уважением.

— Тогда, Антонина Павловна, я разрешаю вам вызвать полицию.

Она впервые за день рассмеялась.

Вечером Павел принёс ей на подпись проект решения по порядку предоставления документов участнику общества. Она читала медленно, подчёркивала длинные предложения и дважды попросила перевести юридические слова на обычный язык.

— Зачем писать «в случае наличия соответствующих оснований», если можно написать «если есть причина»?

— Иногда из-за этих слов легче избежать двусмысленности, — объяснил Павел.

— Значит, допишите рядом, какая именно причина. Иначе человек будет искать основание, пока шкаф снова не потеряется.

Документ вернули на доработку. Дорохов жаловался, что новая собственница тормозит принятие решений, а Павел ответил: тормозить и проверять — не всегда одно и то же. Когда ясный вариант подписали, оказалось, что порядок можно объяснить сотрудникам за пять минут вместо полутора часа.

Антонина Павловна уехала домой усталая и раздражённая. Ей всё чаще хотелось ругаться, но именно в такие дни она вспоминала Илью, который однажды сказал, что в больших компаниях главное — не потерять нормальный разговор между людьми. Тогда она ответила, что для этого и нужен хороший начальник. Теперь выяснялось, что одного хорошего начальника недостаточно.

Он произнёс это совершенно серьёзно. Антонина Павловна вдруг почувствовала к нему симпатию: она сама часто забывала, насколько тяжело отличать преступную хитрость от обыкновенной человеческой беспомощности.

Прежде чем идти к лифту, Антонина Павловна успела увидеть ещё одну сторону нового директора. В кабинете диспетчеров раздался такой крик, что секретарь выглянула из приёмной. Кричал водитель по фамилии Климов — высокий

мужчина с красным лицом и сложенным пополам путевым листом.

— Я второй час объясняю, что не повезу груз на машине без нормальных тормозов! — объявил он всему коридору. — А мне ставят отказ от рейса.

Дорохов подошёл к нему, не успев застегнуть пиджак.

— Кто ставит?

— Диспетчер. Говорит: в журнале всё исправно. А я вчера дважды педалью в пол и чуть в автобус не въехал.

Антонина Павловна остановилась. В её прежнем гастрономе продавец, обнаруживший разбитую банку, обычно получал выговор за бой посуды. Только потом выяснялось, что на полке сгнила доска. Порядок, при котором наказывали за обнаруженную беду, был ей знаком до тошноты.

Дорохов не стал искать виноватого в коридоре. Попросил Ирину вызвать механика, а Климова — написать подробное объяснение без формулировки «отказываюсь работать». Тот возмутился ещё сильнее:

— А как назвать? Я именно отказываюсь!

— Вы сообщаете о неисправности. Это не одно и то же.

— Какая разница, если меня всё равно оштрафуют?

— Вот это и проверим, — вмешалась Антонина Павловна. — Только сначала тормоза. Если машину надо чинить, чините машину, а не слова в объяснительной.

Климов посмотрел на неё с подозрением. Для водителей она пока была женщиной, из-за которой руководство внезап-

но потребовало заполнять документы разборчиво. Такая репутация редко вызывала благодарность.

Через полчаса механик подтвердил дефект. Дорохов распорядился заменить автомобиль на линии и не засчитывать время ожидания Климову как прогул. Выяснилось, что прошлый наряд был закрыт подписью механика, который в тот день вообще находился на выездном ремонте.

— Могут быть обычные ошибки, — предупредила Ирина.

— Конечно, — согласилась Антонина Павловна. — Но мы их не вылечим, если начнём делать вид, что это хорошие ошибки.

Она предложила директору разделить два списка. В одном — неисправности техники, о которых заявили люди. В другом — случаи, когда бумажная исправность не совпала с настоящей. Дорохов посмотрел на неё с уважением, но робко уточнил, не стоит ли сначала согласовать форму с отделом качества.

— Валерий Степанович, — сказала она, — если я подожду, пока ваш отдел качества утвердит, что тормоза обязаны тормозить, мы с вами до Рождества не доживём.

К вечеру машина Климова оказалась в ремонте, а водитель получил другой рейс и впервые за долгое время не потребовал от диспетчера написать ему бумагу об отсутствии вины. Словно осторожно допустил, что кто-то может разбиться без поиска козла отпущения.

Антонина Павловна записала его фамилию в блокнот ря-

дом со словом «проверено». Впервые это слово означало не подозрение, а человека, который поступил правильно. Она подумала, что если дело Ильи и научит её чему-нибудь, то начать следует с таких маленьких выводов. Иначе предприятие будет иметь новую хозяйку и прежние правила.

Инспекция закончилась для Антонины Павловны не в кабинете, а в комнате, где выдавали спецодежду. Она заглянула туда по дороге к выходу, потому что увидела возле двери мужчину с двумя разными ботинками в руках. Один ботинок был с металлическим носком, второй — обычный зимний, с замком сбоку.

— Вы моду обсуждаете? — спросила она.

Мужчина обернулся. На жилете значилось «М. Чередниченко».

— Нет. Это моя новая обувь по нормам, — сказал он и показал оба ботинка. — В одной коробке пришли. Кладовщица говорит: берите, других нет. Я говорю: у меня две ноги, не левый и правый отделы.

Из-за стеллажа появилась молодая женщина с усталым лицом. Она уже успела сказать, что заявку оформлял снабженец, отправлял поставщик, принимала комиссия, а лично она ботинки не шила.

Антонина Павловна попросила коробку. На ней стояла наклейка с номером партии, моделью и подписью принимающего сотрудника. Ботинки действительно относились к разным размерам и разным моделям. Это было так откровен-

но нелепо, что хотелось посмеяться. Но Чередниченко почему-то не смеялся.

— В прошлом месяце я уже свои порвал, — сказал он. — Меня на разгрузку завтра ставят. Если без защитных выйду, мастер не допустит. И правильно сделает. Только потом эту смену мне как прогул считать будут?

— Не будут, — ответила Антонина Павловна и тут же поправилась: — Во всяком случае, пока я здесь, не должны. И никто вас без положенной обуви на участок не отправит. Ирина, можно найти подмену из исправного резерва?

Ирина, которая шла за ней, проверила журнал. Резерв существовал. На бумаге. На полке не оказалось ни одной пары нужного размера.

— А в реестре выдачи есть, — сказала Ирина, листая распечатку. — Три пары за прошлую неделю. Одну выдали человеку, который уже уволился.

— Не надо пока объявлять её украденной, — напомнила Антонина Павловна. — Сначала выясним, кому конкретно и под чью подпись.

Она уселась за маленький стол кладовщицы, на котором лежали две ручки без колпачков и жестяная банка с канцелярскими скрепками. Чередниченко не уходил. Ему, видимо, хотелось услышать ответ до конца: он слишком хорошо знал, что у начальства слова «разберёмся» часто означают конец разговора.

Через двадцать минут нашёлся второй экземпляр наклад-

ной. Оказалось, поставщик действительно перепутал коробки при комплектации, а одну пару защитных ботинок по ошибке списали на прежнего сотрудника, потому что в кадровой системе не закрыли его карточку. Две другие пары лежали не в кладовой, а в машине мастера: тот забрал их для вечерней смены и никого не предупредил.

— Значит, не украли? — спросил Чередниченко.

— Значит, пока не обнаружили кражи, — ответила Антонина Павловна. — И это хорошая новость. Плохая — у вас пять взрослых людей не сумели выдать два ботинка одному человеку.

Кладовщица вдруг расплакалась. Не громко: просто опустила голову, и слёзы закапали на таблицу размеров.

— На меня всё повесили, — сказала она. — Я и принимаю, и выдаю, и отчёты делаю. Уволилась бы, только у матери лекарства дорогие.

Антонина Павловна почувствовала знакомую неприятную усталость. Проще всего было бы отчитать кладовщицу и объявить порядок. Сложнее — понять, сколько беспорядка ей досталось вместе с фамилией в ведомости.

— Фамилию я вашу записала, — сказала она. — Не для наказания. Чтобы завтра позвонить и спросить, выдали ли человеку обувь. А вам нужен второй сотрудник в дни массовой выдачи. Это обязанность руководства, не чудо по расписанию.

Чередниченко, получивший наконец подходящую пару,

неловко поблагодарил её и добавил:

— А вы правда теперь наша хозяйка?

— Судя по количеству претензий, — сказала Антонина Павловна, — это уже не оспаривается.

На выходе она попросила Ирину не включать эту историю в отчёт о возможных преступлениях без оснований. Ошибка оставалась ошибкой даже там, где их накопилось nepозволи-тельно много. Если перестать это различать, расследование превратится в поиск любого человека, на которого удобно рассердиться.

У лифта Тамара догнала её.

— Вы решительный человек. Только мне бы хотелось, чтобы вы понимали: подобные перемены способны остано-вить работу.

— Если работу держит один человек и две папки, её надо останавливать и строить заново.

— Борис Михайлович будет недоволен.

— Тогда он встанет в очередь. Перед ним уже бывший директор.

Тамара чуть наклонила голову.

— Илья Сергеевич тоже иногда принимал решения слиш-ком быстро.

Антонина Павловна остановилась.

— Вы с ним хорошо работали?

— Почти пять лет.

— А спорили часто?

— Как в любой компании. Финансы не любят эмоций.

— Странно. После его смерти эмоций у вас, видимо, не осталось совсем.

Она сразу пожалела о грубости. Тамара посмотрела прямо, без обиды, и сказала:

— Я была на работе, когда сообщили. Кто-то должен был сохранить компанию.

В лифте Антонина Павловна впервые подумала, что эта женщина, возможно, просто сильнее её. И от мысли стало стыдно.

Вечером Дорохов позвонил Павлу: акт приёма-передачи ему выдали, но ключ от архива финансовых документов пока «не нашли». Технический архив вёлся отдельно, доступ через Тамару.

— Ну что, — сказала Антонина Павловна, выслушав новость. — Настоящая работа началась. У нас сначала пропадают бумаги, а уже потом их начинают искать.

Глава 5. Двадцать пять процентов

Борис Шатов явился на встречу через три дня после смены директора и с порога сообщил, что никакого собрания ему не требуется.

— Я и так владею четвертью этой конторы, — сказал он. — Достаточно, чтобы иметь право на разговор.

— На разговор — вполне, — ответила Антонина Павловна. — Даже люди без доли разговаривают. Некоторые, к сожалению, постоянно.

Шатов привёл адвоката, молчаливого мужчину в сером костюме. Павел уже сидел в переговорной с блокнотом. Валерий Дорохов занимал место директора и всё время поглядывал на часы: через полчаса у него была встреча с поставщиком топлива.

— Я приехал решить вопрос цивилизованно, — объявил Шатов.

— Прекрасное начало, — заметила Антонина Павловна. — Уже лучше, чем в коридоре у нотариуса.

Адвокат выложил документы. Один назывался «Предварительное соглашение об отчуждении доли». Второй — «Соглашение о порядке урегулирования взаимных претензий». На каждом было по несколько страниц плотного текста.

— Мы предлагаем тридцать миллионов, — сказал Шатов. — Сегодня. Без головной боли. Вам не надо в это лезть.

— Сначала было двадцать два.

— Рыночная ситуация изменилась.

— У вас рынок работает как температура у простуженного. Каждые два дня выше.

— Антонина Павловна, я человек прямой. Этот бизнес непростой. Есть обязательства. Есть люди, с которыми договариваются иначе. Илья это понимал.

— Судя по тому, что он погиб, понимал не всё.

Шатов сжал пальцы на подлокотнике. Его адвокат задвинул стакан воды подальше от края стола.

— Вы хотите меня обвинить? — спросил Шатов.

— Я хочу дочитать бумаги. Вам уже нечем заняться?

Она читала медленно, держа листы на расстоянии вытянутой руки. Павел не торопил. На третьей странице второго соглашения Антонина Павловна остановилась, подчеркнула фразу карандашом и протянула документ юристу.

— Переведите, пожалуйста, с юридического на русский. Я правильно понимаю: подписав эту бумагу, я отказываюсь от претензий по действиям прежнего руководства?

— Да, — подтвердил Павел. — Причём формулировка очень широкая. Она может повлиять на возможность взыскания убытков, если мы их выявим. Некоторые пункты требуют отдельной оценки действительности, но подписывать такое я не советую.

Шатов развёл руками.

— Стандартная практика.

— У нас в гастрономе тоже была стандартная практика: на товар с плесенью клеили новую дату. Только после проверки никто уже не называл это практикой.

— Вы всё сравниваете с магазином!

— А вы всё сравниваете с тем, что люди должны испугаться. Так каждый при своём опыте и останется.

Адвокат Шатов предложил исключить спорный пункт. Антонина Павловна кивнула, перечеркнула его, после чего нашла ещё два: обязанность хранить тайну даже о нарушениях закона и штраф, значительно превышающий предлагаемую цену сделки, за раскрытие информации третьим лицам.

— Это ведь не продажа, — сказала она. — Это покупка молчания с доплатой за послушание.

— Вы драматизируете, — тихо заметил адвокат.

— Нет. Драматизировать у нас в стране умеют театры. А вы документы составляете.

Дорохов кашлянул. Шатов не засмеялся.

В перерыве Шатов вышел покурить и вернулся пахнущим дорогим табаком. Антонина Павловна заметила на его запястье тонкий белый шрам, похожий на старый порез.

— Откуда? — спросила она неожиданно.

Он сначала не понял, что она имеет в виду, потом посмотрел на руку.

— Ещё когда с Илюхой сами разгружались. Склад маленький был, палета поехала, я схватил за металлический угол. Он мне тогда бинты принёс. Сам же и перевязал, как умел.

— Он в детстве из бинтов палатки строил, — сказала Антонина Павловна. — Сестра ему перевязочный материал покупала чуть ли не оптом.

Шатов впервые улыбнулся без привычной тяжести.

— Палатку из складского тента мы тоже строили. Ночевали там три раза, пока охрану нанять не могли. Крыша текла, он всё ругался, что бизнес не должен пахнуть мокрым картоном.

Она рассматривала мужчину по-новому. До этого Борис был набором неприятных черт: голос, пальто, часы, угрозы. Теперь у него появилось прошлое, в котором Илья был жив, молод и смешон.

— И когда вы перестали друг другу доверять? — спросила она.

Лицо Шатова закрылось.

— В последний год.

— Из-за денег?

— Из-за того, что он решил стать слишком правильным. Раньше понимал, как здесь всё устроено. Потом будто заново родился. Проверки, подписи, новые правила. Забыл, кто помогал фирме выжить.

— Может, просто повзрослел?

— Может, — неожиданно согласился Шатов. — Только не все взрослые поступки безопасны.

Он быстро вернулся к столу, словно пожалел, что сказал лишнее. Антонина Павловна осталась у окна ещё на минуту.

Она была уверена, что Шатов опасен. Но теперь ей стало ясно: он может говорить о племяннике с настоящей теплотой и всё равно скрывать вещи, за которые предстоит отвечать. Одно другому не мешает.

Потом Борис Михайлович неожиданно сменил тон. Откинулся на спинку кресла, посмотрел на Антонину Павловну почти устало.

— Вы думаете, я рад, что Ильи нет? Мы с ним с нуля эту компанию поднимали. Я его много раз вытаскивал. И он меня тоже. У нас не всё было чисто, не собираюсь врать. Но есть вещи, которые лучше оставить прошлому.

— Какие именно?

— Вам их знать не надо.

— Значит, прошлому пока не оставим.

Он наклонился к ней:

— Есть люди, которые за меньшие деньги головы теряли.

На мгновение в переговорной стало очень тихо. Антонина Павловна почувствовала знакомую дрожь в пальцах, ту самую, что у нотариуса. Она сложила руки на столе, чтобы никто не заметил.

— Борис Михайлович, — сказала она, — я выросла среди людей, которые угрожали отключить поставки муки перед Новым годом. Поверьте, впечатление вы производите неприятное, но пока не оригинальное.

Павел закрыл блокнот.

— Предлагаю завершить встречу. Любые дальнейшие

предложения — письменно и через представителей.

Шатов встал первым. Возле двери задержался.

— Тамара вам ещё расскажет, что такое настоящий бизнес, — сказал он. — Она в цифрах разбирается лучше нас всех.

— Вот и хорошо. Проверим вместе с аудитором.

После ухода Шатова его адвокат вернулся один. Забыл портфель с документами — или сделал вид, что забыл. Павел подал его, не раскрывая.

— Алексей Дмитриевич, — сказал он, — вашему клиенту следует выбирать выражения. Высказывания про потерянные головы не улучшают его положение.

— Борис Михайлович человек темпераментный, — ответил адвокат. — Он привык говорить образно.

— Разумеется. Угрозы всегда становятся образами, как только возникает свидетель.

Адвокат взял портфель и чуть понизил голос:

— Вы думаете, ваша доверительница хорошо понимает, куда вмешивается? У компании есть партнёры, которые даже с Шатовым разговаривают жёстче, чем он с вами.

— Тогда это ещё одна причина вести переговоры документально.

— Документы не всегда спасают.

— Но позволяют потом выяснить, что произошло.

Мужчина посмотрел на Павла долгим взглядом и ушёл. Юрист тщательно записал разговор, включая точные форму-

лировки. Он не любил театральных угроз, но ещё меньше любил, когда люди относились к ним как к театру.

Антонина Павловна заметила запись и попросила дать ей почитать.

— Не надо, — сказал Павел. — Я всё зафиксировал. Вам сейчас важнее решить, как возвращаться домой.

— Автобусом. Как обычно.

— Сегодня на машине. И желательно вместе с кем-то.

— Вы предлагаете мне завести телохранителя?

— Предлагаю не ездить одной после таких разговоров.

Она хотела возразить, но вспомнила взгляд Шатова и поймала себя на том, что уже оценивает путь до остановки: сколько там людей, где фонари и кто стоит возле машины. Это был совершенно новый, неприятный способ смотреть на обычную улицу.

Когда гости ушли, Антонина Павловна обнаружила, что не может сразу подняться: ноги стали ватными. Павел сделал вид, что занят папкой, и дал ей минуту прийти в себя.

— Вы его не боитесь? — спросил Дорохов.

— Боюсь, — ответила она. — Но если человеку один раз уступить из-за того, что он кричит, он потом всю жизнь будет приходить покричать.

Дорохов одобрительно кивнул, но Павел не разделял этого спокойствия.

— Это уже не обычный корпоративный спор. Не встречайтесь с ним без свидетелей. И сообщайте мне о любых

угрозах.

— Хорошо.

— Обещаете?

— Павел Сергеевич, я не маленькая. В моём возрасте страшно не только умереть. Страшно так прожить остаток жизни, чтобы за меня всегда решали, чего мне знать не надо.

Вечером она возвращалась домой на такси. Шатов стоял у ворот склада и разговаривал с высоким мужчиной в чёрной куртке. При виде её машины он замолчал. Мужчина отвернулся, но Антонина Павловна заметила белую полосу шрама у него над левой бровью.

В такси заиграло радио с весёлой песней, и водитель прибавил громкость. Она попросила сделать тише. Впервые за эти дни ей совсем не хотелось шутить.

Глава 6. Пустая ведомость

В среду Ирина Сафонова пришла в кабинет Дорохова с тремя табелями, двумя расчётными ведомостями и возмущением, которое едва помещалось между дверью и столом.

— У нас водитель Антонов одновременно болел, работал и находился в отпуске, — сказала она.

— Бывает, — заметил Дорохов. — В сезон особенно.

— В одну и ту же смену. И ещё грузил фуру, которой не существует.

Он попросил её сесть и объяснить по порядку. Ирина пересчитала реальных водителей по сменам и сопоставила их с ведомостями. Выяснилось, что зарплату получали двое работников, которых никто из мастеров не помнил. Третий числился на погрузке, но по пропускной системе не появлялся месяцами.

Антонина Павловна приехала к одиннадцати и застала спор в разгаре.

— Как это вы человека не помните? — спросила она.

— Потому что его нет, — ответила Ирина.

— Может, работает удалённо? — предположил Дорохов.

— На погрузчике? Из дома?

— Я просто перечисляю варианты.

Антонина Павловна взяла табель.

— Вот тут написано «Антонов Александр». Номер табеля

семьдесят четыре. У вас кто его оформлял?

— Кадры, — сказала Ирина.

— Позовите кадры. И самого Антонова, если сумеете. Я бы хотела познакомиться с человеком, который совмещает отпуск с погрузкой.

Кадровик, полная женщина по имени Лариса, явилась через двадцать минут. Она искренне удивилась, что кто-то проверяет её ведомости.

— Мне данные давали, я заносила, — объяснила она. — Приказы есть.

— Кто подписывал?

— Барсуков.

— А вы сотрудника видели?

— При устройстве — нет. Документы принесли через руководителя смены.

— Удивительный обычай. Человек на работу приходит через паспорт, паспорт без человека. У вас так давно?

Лариса покраснела. Ирина уже открыла рот, но Антонина Павловна подняла ладонь.

— Не ругайтесь. Нам нужны факты. Слова потом пригодятся, если место останется.

В маленьком помещении для инструктажей собрались два сменных мастера. Один вспомнил «какого-то Сашу» в тёмной куртке. Другой уверял, что Антонов — это пожилой водитель, который ещё весной ушёл. Через десять минут выяснилось, что оба описывают разных людей.

— Прекрасно, — сказала Антонина Павловна. — Один водитель исчез, второй не появлялся, третий, возможно, сразу двое. Это у нас склад или театр?

— Я здесь работаю семь лет, — обиделся первый мастер.

— И не знаете работников своей смены. Значит, премию к юбилею трудовой деятельности пока отложим.

Чтобы разобраться в фамилиях, Ирина провела Антонину Павловну в комнату отдыха водителей. Там за столом сидели трое мужчин и спорили о пробках на Московской кольцевой. На стене висело расписание смен, в углу — чайник и объявление: «Чужую еду из холодильника не брать».

— Мужчины, кто знает Антонова Александра? — спросила Ирина.

Первым отозвался пожилой водитель Стас, который говорил медленно и будто заранее не доверял собеседнику.

— Антонов у нас был. Только Николай. Лет десять назад.

— Александр, — уточнила Ирина. — В прошлом году числился.

— Может, из нового набора, — сказал молодой водитель.

— Не видел я нового Антонова, — возразил третий. — Сашка у нас был грузчик, но фамилия Прудников.

Антонина Павловна попросила всех троих не гадать и не рассказывать слухи, а вспомнить конкретные смены, когда человек мог присутствовать. Стас достал телефон и показал фотографии с корпоративного праздника. На снимках улыбались водители, некоторые в одинаковых жилетах, на столе

стояли пластиковые стаканы и гора салата.

— Вы всех помните? — спросила она.

— Почти. Вон Семёныч уже ушёл. Этот вообще на следующий день после праздника уволился. А этого зачем-то посадили с бухгалтерией, хоть он водитель.

— Зовут как?

— Артур. Он потом на другой участок ушёл.

Она не стала выпытывать подробности, только записала имена. Находка могла ничего не значить, но впервые вместо пустых строк возникали живые люди, с которыми можно было сверить историю.

— А вы кто, собственно? — спросил Стас, прищурившись.

— Наследница.

— Чего?

— Всего, за исключением ваших личных бутербродов. Их забирайте сами.

Водители засмеялись. Ирина тоже. Антонина Павловна заметила, что смех здесь получается гораздо легче, чем в переговорной. Люди на складе привыкли иметь дело с реальными вещами: если погрузчик сломан, он не едет, сколько бы докладов о модернизации ни произнёс директор. С документами всё было сложнее. В них несуществующий человек мог получать деньги, участвовать в смене и даже уходить в отпуск.

Стас проводил их до двери и, уже почти шёпотом, доба-

вил:

— У нас при Илье Сергеевиче странное было. Иногда ночью чужие фуры приходили. Не наши рейсы. Утром смотришь — в отчёте обычная доставка. Я Илюхе тогда сказал, а он велел номера записывать. Только потом запретил мне с кем-либо обсуждать.

— Когда это было?

— Перед самой его смертью. Неделю, может, две.

— Номера сохранились?

— Телефон старый. Поищу.

Антонина Павловна поблагодарила его и попросила передать информацию не ей, а Павлу с Ириной. Теперь она знала: возможные нарушения нельзя сводить к одной ведомости. Люди, которых не существовало в документах, соседствовали с перевозками, существовавшими, возможно, только на бумаге.

Стас вернулся к своей машине, но у ступеньки остановился и долго возился с замком. Антонина Павловна поняла, что он хочет сказать что-то ещё, только боится заговорить первым.

— У вас проблема? — спросила она.

— У меня-то нет. Я просто за Илюху обиделся, когда все стали говорить, что он ночью пьяный по рампе ходил. Я его таким не видел. Может, и выпивал, не знаю. Но за рулём никогда. И с нами всегда был нормально.

Она почувствовала, как внутри поднимается гнев. В пер-

вые дни после похорон кто-то действительно распространял такие разговоры, и родственники старались не слушать. Но слухи легко становятся заменой фактам, особенно когда погибший не может возразить.

— Кто говорил? — спросила она.

— Разные. Один от охраны, другой якобы от водителей. Я сам не слышал, чтобы кто-то точно знал.

Антонина Павловна заставила себя не требовать фамилий. Чужой пересказ мог только увеличить число людей, которых подозревают без основания.

— Спасибо, Стас. Но если чего не видели, так и говорите. Не надо Илью защищать выдумками. Он уже не может за себя ответить, а мы можем хотя бы не путать его память с разговорами.

Стас кивнул. Потом спросил, правда ли новая хозяйка собирается уволить половину персонала. Она ответила, что никаких таких решений нет, но проверка может обнаружить фиктивно оформленных сотрудников. Настоящих людей с настоящей работой это не должно превращать в виновных по умолчанию.

— А вы умеете по-человечески говорить, — заметил он.

— Умею. Просто не всегда вижу, с кем стоит.

Водитель рассмеялся, захлопнул дверь и наконец уехал. Ирина спросила, не слишком ли Антонина Павловна резко оборвала рассказ о погибшем. Та ответила, что не хочет, чтобы из любви к Илье они сами начали делать то, против чего

выступают: подменять факты удобной историей.

— Лучше неприятная правда, — сказала она, — чем приятный рассказ, за который потом кто-нибудь другой будет расплачиваться.

Ситуация казалась комической ровно до тех пор, пока Ирина не показала суммы. По отдельности выплаты были не столь велики, чтобы привлечь внимание. За несколько лет получалась существенная сумма. К ней добавлялись налоги, взносы и премии, начисленные людям, которых не было на рабочем месте.

— Зарплатный проект обслуживает банк, — сказал Дорохов. — Надо выяснить, на какие счета перечисляли средства, кто оформлял выплаты и кто их согласовывал.

— И не трогать исходные файлы, — напомнил Павел по телефону. — Сохраняйте оригиналы, делайте заверенные копии, фиксируйте, кто и когда получил доступ. Ничего не подчёркивайте ручкой.

Антонина Павловна убрала карандаш.

— Я только собиралась отметить очевидное.

— Очевидное лучше отмечать на отдельном листе.

Ирина усмехнулась. Тамара Гришина появилась к полудню и внимательно выслушала рассказ.

— У нас были временные водители через подрядные договоры, — сказала она. — Часть могли неправильно перенести в кадровую базу при смене программы. Надо проверить. Не стоит делать выводы до сверки.

Её объяснение было разумным. Она показала старые заявки, номера приказов, даты миграции системы. Но ни одна бумага не объясняла, почему человек якобы вышел на смену, когда его пропуск не открывал турникет.

— Ирина, а может, он заходил через другие ворота? — спросила Тамара.

— Может. Если научился ходить сквозь бетон. Других ворот у нас не было до января.

— В таком тоне мы ничего не выясним.

— В другом тоне люди не появились бы.

Проверку выплат продолжили без публичных обвинений. Кадровик Лариса нашла личное дело Антонова. В папке лежали копии паспорта, заявление о приёме и подпись, которую никто не мог уверенно сравнить ни с одной реальной подписью в журналах. Контактный номер оказался недоступен. Адрес регистрации был в другом регионе.

— Может, человек существует, только у нас не работал, — предположил Дорохов.

— Тогда совсем плохо, — ответила Ирина. — Получается, зарплату за него получал кто-то ещё.

— Или выплаты отправлялись на его счёт и он о них знал, — добавил Павел по телефону. — Не выбирайте одну версию, пока не получили банковские документы.

Антонина Павловна слушала этот разговор и вспоминала собственный гастронм. Там иногда обнаруживалось, что давно уволенный грузчик продолжает значиться в списке на

выдачу спецодежды. Тогда всё заканчивалось спором между складом и бухгалтерией. Здесь человек мог получать сотни тысяч рублей, не открывая дверь предприятия.

Оказалось, что каждая ведомость утверждалась цепочкой согласований. Мастер подтверждал выход, кадровик переносил данные, финансовый отдел составлял реестр, директор санкционировал перевод. Система была задумана как защита от ошибок и злоупотреблений. Но если несколько участников цепочки не проверяли исходные сведения, поддельная смена превращалась в настоящую зарплату.

— Получается, у нас контроль есть только на бумаге, — сказала Антонина Павловна.

— Пока получается, что контроль не сработал, — поправил Дорохов.

— Простите. Буду выражаться так, чтобы вас не обидеть. Контроль ушёл в отпуск вместе с Антоновым.

К вечеру удалось найти подтверждение одной ошибки: в старой системе действительно продублировали карточку работника при миграции данных. Но это объясняло только один табель. Два других оставались без ответа.

— Видите, — сказала Тамара, — я говорила о переносе данных.

— Говорили, — согласилась Антонина Павловна. — Мы и проверяем. Только там, где вы правы, записываем «права», а не закрываем все остальные вопросы.

В ответ Тамара лишь пожала плечами. Антонина Павлов-

на заметила, что её уверенность в присутствии новых людей стала ещё безупречнее. В других обстоятельствах она бы обязательно предложила такой женщине должность старшего бухгалтера в своём старом гастрономе. Но не раньше, чем проверила бы ведомости.

Антонина Павловна попросила обеих успокоиться. Тамара посмотрела на неё с благодарностью, как будто дело касалось не документов, а семейной ссоры.

К обеду в кабинет неожиданно попросился сам Антонов. Его в ведомостях то отправляли в отпуск, то ставили на рейс, то записывали больным, но за все эти путешествия бухгалтерии он ничего хорошего не получил. Пришёл в куртке с потёртыми локтями и не хотел снимать кепку.

— Я не жаловаться, — сказал он. — Просто меня тут уже третий день ищут, как будто я сам себя выдумал.

Антонина Павловна предложила ему сесть.

— Василий, вы в марте сколько работали?

— По-человечески или по табелю?

— Начните по-человечески.

Антонов назвал две дальние поездки, больничный после простуды и смену, на которую вышел за товарища. Доходило до смешного: на одной распечатке ему начислили переработку в день, когда он лежал с температурой, на другой удержали деньги за будто бы неотработанную смену, во время которой он разгружал оборудование на окраине.

— Я тогда спорил, — признался водитель. — Мне ска-

зали, что программа автоматически считает. Ну а если программа умная, зачем с ней ругаться?

— Автоматическое не значит правильное, — сказала Антонина Павловна. — У меня однажды автомат на складе каждый месяц заказывал тысячу пачек лаврового листа. Пока нашли ошибку, могли бы весь район в суп превратить.

Василий улыбнулся только уголком рта. Он достал из кармана потрёпанный бумажник и разложил на столе три магазинных чека, талон из поликлиники и фотографию фуры возле пункта разгрузки.

— Думал, хоть как-то доказать, где был.

Павел попросил не трогать чеки руками по очереди и не смешивать личные бумаги с материалами, которые компания уже официально собирала. Антонина Павловна взглянула на него с уважением: только юрист мог так вежливо запретить людям одновременно смотреть на квитанцию.

— Мы сделаем копии с вашего согласия, — объяснил он водителю. — Оригиналы останутся у вас. Потом сверим с заказами и данными о передвижении машины. Не будем строить всё на одной фотографии.

Антонов, оказывается, прежде много лет работал на небольшом складе без электронных систем. Там табельщик записывал смену карандашом и рядом ставил точку, если человек уходил к врачу. Новый порядок обещал избавить от путаницы, но пока получалось, что исправить машинную ошибку труднее, чем карандашную.

— И кто за это ответит? — спросил он.

— Тот, чьи действия подтверждаются, — сказала Антонина Павловна. — Я бы сама хотела сразу назвать фамилию. Но тогда получится, что мы строим справедливость по привычкам старого отдела кадров.

Дорохов тут же распорядился провести отдельную сверку начислений и по другим водителям, не ограничиваясь одним Антоновым. Этот вопрос не обещал детективной сенсации: большая часть расхождений могла возникнуть при переходе между программами. Но именно поэтому его и нужно было решить отдельно. Не всякая ошибка в фирме обязана была вести к смерти Ильи.

Перед уходом Василий помял кепку в руках.

— А я, честно говоря, думал, вы нас всех уволить приехали. Вы же теперь хозяйка.

— Представляете, и я думала, что стану просто хозяйкой. А теперь выясняется, что предприятие большое, и у каждого своя арифметика. Если не можем человека правильно посчитать, рано считать его виноватым.

Когда за ним закрылась дверь, Дорохов принёс реестр ещё пяти расхождений. Они касались не одного отдела, а двух участков и трёх разных недель. Антонина Павловна записала номера в отдельную колонку. Ей нравилось, что рядом с подозрительным мартовским рейсом теперь появлялись и обычные задачи. Жизнь компании не обязана была целиком превратиться в следственный эксперимент.

Позже, когда все разошлись, Ирина задержалась.

— Я ведь сначала решила, что сама ошиблась, — призналась она. — Сначала один лишний, потом другой. Уже думала, может, действительно возраст, память...

— Сколько вам лет?

— Тридцать семь.

— У меня в тридцать семь была первая крупная ревизия. С тех пор знаю: если бухгалтерия уверяет, что вы забыли человека, попросите показать, где он расписался. Бумага, конечно, тоже врёт, но обычно менее артистично.

Ирина помолчала.

— Илья Сергеевич перед смертью тоже проверял людей. Сказал, что ведомость не сходится с маршрутом. А потом запретил закрывать один рейс.

— Какой?

— Не помню. Сорок какой-то. Я тогда не придавала значения.

Антонина Павловна медленно закрыла папку.

— Значит, будем вспоминать не по памяти, а по документам.

Дома она обнаружила сообщение с номера, которого не было в контактах: «Вы думаете, они не знают, что вы наши?»

На этот раз она не ответила и даже не показала Валентине. Сфотографировала экран другим телефоном, как советовал Павел, и отправила сообщение юристу.

Её всё больше раздражало, что кто-то незнакомый считает себя вправе разговаривать с ней намёками. Но раздражение уже не скрывало другого чувства. Когда она запирала входную дверь, замок почему-то показался слишком лёгким.

Глава 7. Обычный несчастный случай

Место гибели Ильи находилось в дальнем конце складского корпуса, куда Антонину Павловну не пустили во время первого визита: тогда на рампе разгружали фуру. Теперь она заранее попросила остановить движение на полчаса и пригласить того, кто отвечал за ночную смену в конце марта.

Начальника смены звали Николай Панин. На вид ему было около сорока пяти. Он пришёл в свежей спецовке и держал каску так аккуратно, будто собирался подарить её на день рождения.

— Сразу скажу, я падения не видел, — произнёс он до всяких вопросов.

— А я сразу скажу, что не собираюсь вас обвинять, — ответила Антонина Павловна. — Давайте оба придерживаться своих обещаний.

Ирина показала рампу. Бетонная площадка выходила на нижний уровень складского двора. По краю тянулось новое металлическое ограждение; раньше, судя по фотографиям, там оставался промежуток для погрузки нестандартного оборудования.

— Где его нашли? — спросила Антонина Павловна.

Панин указал в сторону бетонной площадки внизу.

— Вот там. Между опорой и отбойником.

Она посмотрела на расстояние до земли, потом на ограждение. С высоты всё выглядело буднично, почти нестрашно. Не было ничего похожего на место трагедии — просто бетон, железо и краска, нанесённая поверх старой краски.

— Он приехал работать? — спросила она.

— Наверное. Проверить груз.

— Какой?

— Я не в курсе.

— В документах есть накладная на эту ночь?

— Это надо в офисе узнать.

— А вы зачем выходили на рампу?

Панин смутился.

— Я услышал шум и вышел. Он уже лежал внизу.

— Шум какой?

— Ну, металлический. Может, тележка. Я не понял.

— Что сделали?

— Позвал охрану. Вызвали скорую.

— Кто именно вызвал?

— Дежурный на воротах. Наверное.

«Наверное» прозвучало уже в третий раз. Антонина Павловна запомнила все три. Она не знала, имел ли Панин отношение к смерти Ильи. Но человек, который работает начальником смены, обычно помнит, кто вызывал скорую после гибели владельца компании.

— А время?

— По-моему, около одиннадцати.

— До или после?

— Чего?

— Одиннадцати. Вы сказали «около» так, будто это направление движения.

Ирина попросила его принести журнал происшествий. Панин ушёл, заметно обрадовавшись поручению. Пока они оставались вдвоём, Антонина Павловна опустилась на скамью у стены.

— Тяжело? — спросила Ирина.

— Ноги немного. Не в том дело.

Она смотрела на рампу. В голове вдруг всплыл нелепый детский случай: Илья, шестилетний, разбил в её магазине банку огурцов и потом месяц заходил туда боком, стараясь не смотреть на пол. Она тогда сказала ему, что банка — вещь, люди важнее. Теперь ей не удавалось отделаться от мысли: на месте, где погиб человек, спокойно возят коробки, спорят о расходах и ругаются из-за погрузчиков. Это необходимо для работы склада, но от понимания не становилось легче.

— А вы его хорошо знали? — спросила она.

— По работе. Раньше часто приезжал. Здравовался со всеми. Когда мать моя заболела, дал аванс на лечение, хотя я и не просила. Потом стал нервным. Постоянно уточнял ночные смены, спрашивал, какие грузы уходят после десяти.

— Он кому-то доверял?

Ирина пожала плечами.

— Тамаре доверял. Они вместе много лет. Борису не всегда. Последние месяцы они спорили.

— А почему Илья мне ничего не рассказывал?

Вопрос вырвался раньше, чем Антонина Павловна успела его остановить. Ирина ничего не ответила. Да и не должна была.

Панин вернулся с журналом в прозрачном файле. Запись о происшествии была краткой: двадцать четвёртое марта, 22:57, обнаружен пострадавший, вызваны экстренные службы. Под записью стояли подписи Панина и начальника охраны. Записей о приезде Ильи в тот день на этом листе не было.

— А пропуск? — спросила Антонина Павловна. — На въезд машины должен быть.

— Тогда ещё старая система была. Часть въездов вручную отмечали.

— Журнал сохранился?

— Где-то в архиве.

— Архив большой?

— Да нет. Один шкаф.

— Тогда найдём. Вы, надеюсь, ещё не успели шкаф потерять.

Николай не оценил шутку. Он потёр лоб и сказал:

— Послушайте, это ведь несчастный случай. Полиция была. Всё проверили. Вы чего от меня хотите?

— Правды. Желательно простой. Чтобы мне не пришлось

каждый раз спрашивать, какая сегодня версия.

Павел предупреждал её не превращать разговор в допрос. Она вспомнила это и закончила встречу. Попросила сохранить журналы и передать копии юристу по официальному запросу. Панин ушёл быстро, даже каску забыл.

Ирина вернула ему каску через кладовщика и достала телефон.

— Я нашла старые фотографии, которые делали для отчёта по технике безопасности. Хотите посмотреть?

На снимке, датированном началом марта, у ramпы не было нового ограждения. На втором, уже апрельском, ограждение стояло. Это соответствовало известным фактам. Но Антонина Павловна заметила другое: жёлтая разметка на бетонном полу перед краем меняла направление. Раньше она вела к зоне погрузки, теперь упиралась в железную стойку.

— Разметку после происшествия поменяли?

— Да. Так безопаснее.

— Кто занимался расследованием нарушения техники безопасности?

— Комиссия была. Акты подписывали.

— Кто?

— Барсуков, Панин, специалист по охране труда. И ещё кто-то из администрации.

Антонина Павловна не стала просить Ирину гадать. Все фамилии находились в актах. Впрочем, одно обстоятельство она уже поняла: в ночь смерти племянник приехал туда, где

ему, по словам работников, нечего было делать. А после его гибели место изменили так быстро, что теперь приходилось восстанавливать даже направление разметки.

По дороге назад Ирина предложила зайти к инженеру по охране труда. Его звали Владимир Петрович Семёнов; он проработал здесь шесть лет и выглядел человеком, который за это время успел устать не только от нарушений, но и от регулярных обещаний их исправить.

На двери кабинета висела фотография правильно застёгнутой каски. Под фотографией аккуратным почерком было приписано: «Не надевайте для фотографии — носите на работе».

— Ваше? — спросила Антонина Павловна.

— Моё, — признался инженер. — После последней съёмки для отчёта половина людей сразу сняла каски. Неудобно, говорят. Теперь пусть хотя бы читают.

Он достал копии актов по происшествию. Павел заранее предупредил, что они не должны подменять следственную проверку собственной. Поэтому инженер показывал общие сведения о техническом состоянии рампы и порядке эксплуатации, а по вопросам о погибшем направлял к официальным материалам.

В документах значилась рекомендация поставить новое ограждение и улучшить освещение. Из первого акта следовало, что перед смертью Ильи ограждение было повреждено. Из позднего — что работы выполнили в апреле. Ни один до-

кумент не отвечал на вопрос, кто находился рядом с Ильёй в конкретную минуту.

— Вы с этими актами согласны? — спросила Антонина Павловна.

— С техническими замечаниями да. С формулировкой причины происшествия мне было не по себе.

— Почему?

Инженер посмотрел на Павла, затем на Ирину.

— Потому что один и тот же текст начали повторять ещё до окончательного заключения. «Поскользнулся при осмотре оборудования». Мне эту фразу прислали в письме с просьбой подготовить мероприятия по устранению причин. А я тогда никаких причин не устанавливал.

— Письмо сохранилось?

— В служебной почте. Если нужно, передам по официальному запросу.

Ирина пометила название файла. Антонина Павловна почувствовала желание немедленно спросить, кто писал письмо. Но удержалась: гораздо важнее было, чтобы документ дошёл до следователя с датой и источником, а не превратился в устную историю о чьём-то подозрительном поведении.

— Значит, у вас сначала придумали объяснение, потом под него составляли порядок действий? — уточнила она.

— Не обязательно придумали. Возможно, кто-то так понял услышанное. Я не знаю, кто был первым. Но мне не нравилось, что меня просили подтвердить чужую уверенность.

Семёнов вынул из шкафа толстую папку предписаний. На разноцветных закладках были написаны даты. Он раскрыл лист с декабрьским предупреждением об освещении у дальней рампы. Рядом лежала копия заявки на ремонт, закрытая как «выполненная».

— Фонарь-то вы заменили? — спросила Ирина.

— Нет. Тогда не заменили. Написали, что обеспечили временное освещение.

— Где?

— Вот и я спросил. Получил фотографию переносной лампы.

Антонина Павловна внимательно посмотрела на снимок. Лампа стояла на деревянном ящике возле стены. К длинному проводу было привязано предупреждение, чтобы о него не спотыкались.

— Это прекрасное решение, — сказала она. — Чтобы не упасть из-за темноты, человек теперь может упасть из-за света.

Инженер впервые за разговор рассмеялся. Затем серьёзно добавил, что такие нарушения встречаются на сотнях предприятий и сами по себе ничего не доказывают в деле о смерти владельца. Но они объясняют, почему к первоначальным выводам нельзя относиться как к истине, не проверив исходные данные.

На выходе Антонина Павловна попросила Ирину составить список неисполненных предписаний. Не ради поиска

виновного в марте — ради работников, которые сегодня выходят к тем же рампам.

— Я понимаю, что нельзя вернуть Илью, — сказала она, застёгивая пальто. — Но если следующему человеку здесь сломают ногу, потому что мы слишком увлеклись разговорами о прошлом, грош цена нашим расследованиям.

Ирина впервые не стала спорить с тоном начальницы. Она только спросила, можно ли привести к следующему совещанию Семёнова.

— Конечно. Один человек, который не путает бумагу с фонарём, нам точно пригодится.

Перед выходом Ирина провела Антонину Павловну в небольшую комнату, где хранились инструкции по технике безопасности. Из окна открывался вид на рампу с другой стороны. Здесь было заметно, что грузовики подходят к платформе вплотную, а между старым ограждением и краем бетона раньше оставался узкий проход.

— Говорят, Илья споткнулся, — сказала Ирина. — Там темно было, лампу меняли.

— Говорят — кто?

— Все. Я тоже повторяла. Потому что в акте так написано.

На стене висел план эвакуации с датой утверждения. Под подписью директора стояла отметка «март». Антонина Павловна попросила проверить, относится ли утверждённый план к старой рампе или к новой. Ответ оказался неожиданным: специалист по охране труда никогда не видел Илью в

день происшествия, а через два дня после гибели уехал в командировку. Некоторые документы подписывал заместитель по доверенности.

— Ничего незаконного в этом нет, — сказала Ирина. — Но разобраться хочется.

— Вот и не будем говорить, что незаконно. Сначала узнаем, кто что видел собственными глазами.

Они спустились по лестнице во двор. Ветер гонял по асфальту пыль, пустую упаковку от перчаток и один красный пластиковый уголок от упаковочной ленты. Антонина Павловна мысленно поставила здесь Илью в вечернем пальто, с привычно быстрым шагом и папкой под мышкой. Ей хотелось представить, что он приехал к кому-то поговорить, что его ждали, что последнее слово он всё-таки успел произнести. Но взгляд цеплялся только за бетон.

— Знаете, что самое трудное? — сказала она Ирине. — Не место, где он погиб. А то, что я не могу вспомнить, каким голосом он говорил в последнее время. Давно не слышала.

Ирина постояла рядом, не находя ответа. Потом сказала: — Он часто смеялся. Когда вообще ещё смеялся. Один раз водителю предложили перевезти небольшой «лёгкий» сейф, и трое мужчин час пытались поднять его с пола. Илья пришёл, посмотрел, спросил, не проще ли перевезти дом вокруг сейфа. Потом сам вызвал грузчиков с техникой.

Антонина Павловна улыбнулась. Это было похоже на её племянника. Не из-за смешной реплики, а потому, что он

всегда сначала пытался понять, почему взрослые люди так долго заняты явно бессмысленным делом.

В дверях показался Панин. Он нервно теребил пластиковый бейдж.

— Мне директор звонил. Сказал, вас проводить и больше к рампе никого без распоряжения не пускать.

— Новый директор или старый?

— Барсуков, — признался Панин.

— Так Барсуков у нас уже не директор. Передайте, что замечательный у него энтузиазм: даже после увольнения руководит.

Панин покраснел. Антонина Павловна не стала его унижать дальше. Ей было заметно, что человек боится чего-то конкретного, только пока неизвестно чего. Оттого и улыбаться над ним совсем расхотелось.

На выходе она столкнулась с человеком в рабочей куртке. Он нёс коробку с новой сигнальной лентой.

— Антонина Павловна? — спросил он неожиданно.

— А мы знакомы?

— Нет. Я просто хотел сказать... Илья Сергеевич тогда не в рабочей одежде был. В туфлях. И папка у него была. Он сюда не груз смотреть приехал.

— Как вас зовут?

Мужчина оглянулся на Панина, который стоял в конце коридора.

— Олег. Потом поговорим.

Он ушёл раньше, чем она успела задать следующий вопрос.

Вечером Антонина Павловна записала в блокнот: «Папка. Туфли. Рампа. Кто приезжал? Где документы?» Под записью поместила старую фотографию Ильи, отпечатанную на домашнем принтере. На фотографии он улыбался, не подозревая, что однажды его будут искать в ведомостях и журналах происшествий.

Перед сном она набрала Валентину, но не стала ничего рассказывать. Спросила, не пекла ли та пирог с капустой.

— Пекла. А что?

— Илья его любил, — ответила Антонина Павловна. — Захотелось испечь тоже.

Глава 8. Семьдесят три копейки

Артём Савельев не любил, когда его называли ревизором. Он считал себя аудитором, а ревизор представлялся ему человеком, который входит в помещение с фразой «Ну, признавайтесь» и сразу требует открыть сейф. Антонина Павловна различия не видела.

— Вы можете называться хоть наблюдателем за цифрами, — сказала она. — Главное, чтобы цифры при вас не убежали.

Савельев пришёл в офис с двумя специалистами и коробкой бумажных папок. Утром он попросил провести рабочее совещание без Шатова, Барсукова и любопытных сотрудников. Присутствовали только Дорохов, Павел, Тамара и Антонина Павловна.

На экране появились строки платежей двум подрядчикам: «Транзит-Экспресс» и «Вектор-Сервис». Суммы были разными, но несколько десятков счетов неожиданно оканчивались одинаково — на семьдесят три копейки.

— Это что? Счастливое число? — спросила Антонина Павловна.

— Скорее особенность шаблона, — ответил Савельев. — Отдельно ничего не доказывает. Но вместе с повторяющимися маршрутами и отсутствием подтверждающих документов выглядит плохо.

— А почему семьдесят три?

— Возможно, использовали один файл для расчётов и меняли в нём только сумму до рублей.

— Беда современных людей. Компьютеру доверяют больше, чем собственным рукам.

Он показал два акта за март. По ним «Транзит-Экспресс» перевёз оборудование из Москвы в Тулу. Тем же днём «Вектор-Сервис» выставил счёт за техническое сопровождение того же оборудования. Однако по журналам въезда на склад грузовое место с указанными характеристиками не вывозилось, а номера транспортных средств относились к машинам, которые в тот день работали на других маршрутах.

— Может, номера вбили неверно? — спросил Дорохов.

— Один раз — возможно. Восемь раз — системная проблема. Мы запросим оригиналы заявок и независимые подтверждения, прежде чем делать выводы.

Тамара внимательно изучала экран.

— Я уже сказала, что при переносе данных были ошибки. Подрядчики могли объединять заказы.

— Верно, — согласился Савельев. — Поэтому я не называю это мошенничеством. Я фиксирую расхождения. Ваше дело — представить документы, которые их объяснят.

Антонине Павловне нравилось, что он не поддаётся ни на оправдания, ни на желание немедленно кого-нибудь поймать.

После совещания она задержалась в бывшем кабинете Ильи. Помещение успели превратить в комнату для перегово-

воров, но один узкий шкаф никто не трогал: ключ долго считался потерянным, пока Дорохов не нашёл его в описи передаваемого имущества.

На полках лежали старые каталогизаторы, упаковка батареек, несколько пропусков на отраслевые выставки и записная книжка в кожаном переплёте. Антонина Павловна узнала её: она подарила племяннику эту книжку несколько лет назад, ещё до их ссоры. На внутренней стороне обложки сохранилась надпись: «Чтобы наконец всё записывал и ничего не забывал. Т. П.»

Она села за стол и начала листать страницы. Телефоны, суммы, названия поставщиков. Илья любил короткие заметки, которые были понятны только ему. На страницах за март появились резкие пометки: «ночная смена — проверить», «Антонов?», «доступ к архиву», «не верить устным».

Ниже была запись, подчеркнутая дважды:

«Рейс 47 — Т.Г. — не подписывать».

Она перечитала несколько раз. Т.Г. могло означать что угодно: «транспортная группа», «технический график», фамилию и имя любого человека. Однако рядом лежали счета, которые принесли аудитору вопросы, а запись «не подписывать» звучала уже не как напоминание, а как предупреждение.

Антонина Павловна позвонила Павлу.

— Нашла книжку Ильи. Там один интересный рейс. Сорок седьмой.

— Ничего не меняйте, пожалуйста. Сфотографируйте страницы, запишите, где нашли, и передайте оригинал на сохранение. Не показывайте всем подряд.

— А я уже приготовила объявление на дверях.

— Антонина Павловна...

— Шучу. Не пугайтесь так. Вам ещё разводы оформлять. Пока она ждала Павла, к кабинету подошла Тамара с документами.

— Не знала, что вы здесь, — сказала она, заметив открытую дверцу шкафа.

— Ильины вещи разбираю. Всё-таки родственник.

Тамара посмотрела на книжку, лежавшую на столе, и медленно положила папку рядом.

— Он постоянно в ней что-то записывал. Иногда даже то, что не следовало.

— Например?

— Пустяки. Разговоры, которые потом воспринимались как окончательные решения. Из-за этого в компании возникало много недоразумений.

— А с кем он не ладил перед смертью?

— С Борисом Николаевичем. Они спорили из-за подрядчиков.

— Вы тоже спорили?

— Разумеется. Фирма без споров — это не фирма, а фотография фирмы.

Она произнесла последнюю фразу спокойно, почти весе-

ло. Антонина Павловна неожиданно улыбнулась: перед ней была женщина, которая, оказывается, тоже умела шутить.

— Вы когда в последний раз видели Илью? — спросила она.

Тамара чуть задержала дыхание.

— В день его гибели. Днём, в офисе. Вечером я уже была дома.

— Запомнили, потому что беда случилась?

— Такие дни не забываются.

Ответ казался естественным. Антонина Павловна закрыла записную книжку и встала.

На следующий день Савельев попросил показать подтверждения выполненных рейсов за весь март. Бухгалтерия выдала толстую папку с электронными распечатками. В части актов стояли подписи клиентов; несколько заверялись общей электронной отметкой, происхождение которой теперь требовало проверки.

Антонина Павловна листала страницы и считала, сколько раз повторяется слово «оказано». Оказаны услуги. Оказано сопровождение. Оказано содействие. Никто не писал, кому именно и в чём это помогло.

— А можно вместо «услуги оказаны» написать, что машина приехала в Тулу и разгрузила семь палет? — спросила она.

— Так обычно и бывает в подробных накладных, — объяснил Савельев. — Но здесь ссылаются на рамочный дого-

вор. В нём фактический объём подтверждается приложениями.

— Приложения есть?

— Нам их пока не передали.

— Выходит, главный документ всё время следующий.

Аудитор перевернул несколько листов.

— В любом сложном учёте есть документы, которые подтверждают другие документы. Проблема возникает, когда последнего документа никто никогда не видел.

После совещания Савельев пригласил к разговору кладовщика Николая Белкина. Тот явился с толстым блокнотом и сразу предупредил, что в банковских документах ничего не понимает. Аудитор успокоил его: банковские документы сегодня не понадобятся. Требовалось объяснить простую вещь — как на складе подтверждают услугу, оказанную сторонним подрядчиком.

Николай рассказал о обычной приёмке груза: водитель привозит накладную, груз пересчитывают, повреждения фиксируют, документы подписывают. Если груз пришёл ночью, сведения передают диспетчеру следующей смены.

— А если пришли только бумаги? — спросила Антонина Павловна.

— Я бы их в шкаф положил, — ответил Николай. — Груз-то на полку не положишь, если его нет.

Она одобрительно кивнула. Савельев показал образец реального акта, оформленного с нарушением: подпись кладов-

щика стояла, но дата расходилась с журналом приёмки на один день. Николай сразу вспомнил случай. Машина приехала за десять минут до полуночи, разгрузку закончили после двенадцати. Бумагу заполнили уже следующим утром.

— То есть расхождение объясняется? — спросила Антонина Павловна.

— Да, если подтвердить временем въезда, — ответил Савельев. — Поэтому я не записываю каждый неверный день в преступления.

Белкин вытер лоб. Он ожидал обвинений, а вместо этого ему предложили объяснить рабочую ситуацию, в которой он разбирался лучше присутствующих.

— У нас ещё по одной перевозке так было, — вспомнил он. — Но там машину я не видел. Начальник сказал, что документы оформлены через соседний склад.

— Какой начальник?

— Начальник смены. Я сейчас фамилию не вспомню, но могу посмотреть журнал.

Павел попросил делать это через официальный порядок и не исправлять старые записи. Белкин кивнул. В его руках уже давно накопилось множество чужих поручений, а собственных прав оказалось удивительно мало.

Позже Антонина Павловна застала Савельева за подготовкой списка уточняющих вопросов. В нём напротив каждого документа стояло не «виновный», а «источник подтверждения».

— Вы мне когда-нибудь покажете бумагу, на которой будет написано, что кто-то точно украл деньги? — спросила она.

— Возможно. Но сначала мы должны установить, какие деньги и за что действительно платили.

— Ну так и будем. Только проследите, чтобы от одной вашей правильной проверки у нас не остановились все настоящие грузовики.

Аудитор улыбнулся. Он уже привык к тому, что эта женщина одновременно требовала невозможной скорости и отказывалась принимать поспешные выводы.

Вечером Дорохов показал финансовый отчёт по настоящим маршрутам. Несмотря на спорные расходы, у компании сохранялись клиенты, рабочие контракты, исправные грузовые машины, люди, которые исправно выходили на смены. Это был не пустой фасад, а реальное предприятие с большой частью, обнаружить которую оказывалось гораздо труднее, чем объявить весь бизнес преступным.

— Может, я зря ввязалась? — спросила Антонина Павловна, когда они остались вдвоём.

— Если бы не ввязались, деньги продолжали бы уходить туда, куда уходят сейчас. Но это не значит, что вам надо воевать с каждым сотрудником.

— Я и не воюю. Сотрудники даже хорошие есть.

— Большинство хорошие. Не дайте остальным заставить вас в этом усомниться.

Этот совет оказался ей нужнее, чем очередная справка. Она поняла, что за последнюю неделю начала смотреть на людей через подозрения, словно каждый обязан доказывать, что он не мошенник. Илье, возможно, пришлось жить так несколько месяцев. Хотелось верить, что это было не единственной причиной его усталости.

В коридоре Тамара неожиданно сказала:

— Вам не стоит слишком доверять Ирине. Она хороший специалист по складу, но иногда принимает личное отношение к руководству за доказательства.

— А вам стоит доверять?

— Я двадцать лет в финансах.

— Это не ответ. Но спасибо за предупреждение.

Савельев тем временем нашёл ещё одно странное совпадение. Подрядчики меняли банковские реквизиты в одном квартале, а письма об изменении приходили с разных адресов, но имели одинаковое оформление, включая одну и ту же грамматическую ошибку: «в связи с изменением расчётного счёта просим считать действительным».

— Ну и что? — спросил Дорохов.

— Ничего, пока не посмотрим, кто готовил шаблоны. Но совпадения имеют привычку копиться.

После совещания Савельев попросил показать ему одну обычную перевозку, выбранную наугад. Не ту, по которой уже возникали вопросы, а самую скучную, с понятным маршрутом и водителем, который давно работал в компании.

Дорохов выбрал доставку стройматериалов на север Москвы. В документах были путевой лист, накладная, отметка получателя и счёт на оплату.

— Вот это мне нравится, — сказал аудитор. — Ни один документ не пытается притворяться чем-то необыкновенным.

Антонина Павловна взглянула на сумму.

— А почему у нас разгрузка оплачена дважды?

— Где дважды? — насторожился Дорохов.

— Здесь, в тарифе. И здесь, отдельной услугой.

Савельев поднял глаза и улыбнулся не сразу. Он проверил приложение к договору, обнаружил, что в этом случае основной тариф включает только доставку до ворот, а отдельной строкой проходит действительно заказанный подъём на склад заказчика.

— Всё верно, — сказал он. — Доплата обоснована.

— Замечательно. Один раз меня поправили документом, а не голосом. Продолжайте в таком духе.

Аудитор попросил привести водителя, исполнявшего заказ. Им оказался широкоплечий мужчина по имени Роман, который вошёл в кабинет насторожённо и сразу спросил, не пропала ли его премия.

— Пока не пропала, — ответила Антонина Павловна. — Но если вы скажете, что не помните, куда везли груз, может возникнуть вопрос.

Роман помнил. Более того, помнил, как охранник заказ-

чика сначала не хотел пускать машину, потому что в заявке ошиблись в одной цифре государственного номера. Пришлось стоять сорок минут, звонить диспетчеру, ждать уточнения и выслушивать лекцию о порядке.

— А потом они за десять минут выгрузили всё с погрузчиком, — заключил он. — Я ещё подумал: ради сорока минут так нервничали.

— Потому что сами знают, кто к ним должен приезжать, — сказала Антонина Павловна. — А мы, выходит, не всегда знаем, кто от нас выехал.

Роман не понял, к чему относится это замечание, и всё-таки на всякий случай подтвердил, что по сомнительному рейсу сорок семь он ничего не возил. Савельев остановил его:

— Это другой вопрос, Роман. Мы вас про него не спрашивали. Сегодня нам нужно понять одну обычную операцию.

После ухода водителя Антонина Павловна долго смотрела на добротную папку с реальными бумагами. Настоящая перевозка оставляла следы в памяти людей: ожидание у ворот, неверная цифра, раздражённый охранник, тяжёлые коробки. У фиктивных рейсов воспоминаний не было. Только идеально ровные суммы, будто машины ездили по линейке.

— Надо ведь это объяснить следователю, — сказала она.

— Объясним, — ответил Павел. — Но отдельно от наших предположений. Для начала пусть аудитор составит перечень объективных расхождений.

— Как жаль, что вы оба не работали у меня в гастрономе. Мы бы там такой порядок навели, что покупатели без паспорта за хлебом боялись бы приходиться.

— Счастье покупателей, что не работали, — заметил Савельев.

Перед тем как уйти, она ещё раз осмотрела старый шкаф и нашла на нижней полке незаклеенный конверт. Внутри оказались фотографии с открытия второго склада. Илья стоял рядом с Борисом Шатовым, оба были моложе и выглядели искренне довольными. Чуть поодаль улыбалась Тамара. Она держала ножницы: на следующем снимке именно ей доверили перерезать ленту.

Под фотографиями лежала открытка с напечатанными словами «С днём рождения!» и короткой записью Ильи: «Т. В., спасибо, что вытянула год. Без тебя бы не справились».

Антонина Павловна помедлила. Ей вдруг стало неловко за подозрения. Если Илья так благодарил финансового директора, возможно, Тамара действительно много для него сделала. Показать открытку аудитору значило бы не доказать её невиновность, но напомнить, что за буквами Т.Г. скрываются человеческие отношения, а не только удобная версия.

Она сфотографировала открытку вместе с конвертом и положила обратно. Её внимание привлекло другое: дата поздравления была в начале февраля, всего за полтора месяца до гибели племянника. Значит, ещё недавно Илья высоко ценил Тамару. В какой момент он перестал кому-то дове-

рять, ей предстояло узнать.

В коридоре она столкнулась с Дороховым и спросила:

— Если человек двадцать лет работает хорошо, а потом ошибается, ему можно простить?

— Ошибку иногда да. Зависит от последствий и от того, признаёт ли он её.

— А если это не ошибка?

— Тогда сначала надо доказать, что это было.

Она кивнула. Это было именно то, чего ей самой не хватало: ясной границы между человеческой слабостью, небрежностью и умышленным поступком.

Антонина Павловна закрыла кабинет Ильи. В руках у неё была не только старая записная книжка. Впервые со дня похорон появилось ощущение, что племянник пытается ей что-то объяснить — не словами, которых они не сказали друг другу, а своими корявыми пометками.

Она не знала, что означает сокращение Т.Г. И не собиралась узнавать это методом угадывания. На этот раз ей хотелось доказательств.

Глава 9. Порядок выдачи ключей

Новая система учёта ключей появилась в «Северном пути» в понедельник утром. На стене у поста охраны повесили доску с пронумерованными крючками и журнал. Возле каждой связки лежала карточка: кто получил, во сколько, с какой целью, когда вернул.

Охранник Степан, который во время первого визита не узнал владелицу компании, смотрел на доску с выражением человека, пережившего смену государственного строя.

— Раньше брали ключи по договорённости, — сказал он.

— А теперь будете по фамилии, — объяснила Антонина Павловна. — Договорённость — вещь хорошая, пока все живы, здоровы и помнят, о чём договорились.

Степан обнаружил, что начальник охраны уехал с ключом от архивной комнаты. Начальник обнаружил, что это вовсе не архивная комната, а щитовая. Оба отправились проверять, какая дверь открывается тем самым ключом. Вернулись через двадцать минут, сердитые и по отдельности.

— Открывает вообще кладовку, — сообщил Степан.

— Значит, начинаем с названий, — сказала Антонина Павловна. — Напишите на всех дверях, что там находится. А то скоро найдёте бухгалтерию в мужском туалете.

Вторая неприятность случилась после обеда. К складским воротам подъехал мужчина с папкой и привычно потребовал

ключ от третьего бокса.

— Вы кто? — спросил Степан.

— Сервисная служба. Я к Николаю.

— К какому?

— К Николаю. Вы что, первый день работаете?

Степан действительно работал давно, но теперь вынужден был спросить фамилию и документы. Мужчина рассердился, позвонил кому-то, сказал в трубку: «Тут новая власть», а через пять минут уехал, так и не получив ключа.

— Молодец, — похвалила его Антонина Павловна.

— А если это наш подрядчик?

— Тогда пусть научится представляться. Никакой трудности.

В конце дня Ирина принесла две старые тетради выдачи ключей. Одна хранилась у охраны, другая — у техника. Записи расходились так сильно, будто сотрудники пользовались разными календарями.

В одной тетради стояла отметка о передаче ключа от бокса номер три сотруднику «Транзит-Экспресса». В другой тот же ключ получал механик, который в этот день был в отпуске. Оба ставили одинаково неразборчивую подпись.

— Это не подпись, это кардиограмма, — сказала Антонина Павловна.

Ирина не засмеялась. Она внимательно изучала мартовские страницы.

— Посмотрите. Двадцать третье есть. Двадцать пятое

есть. А двадцать четвёртого нет.

Лист был вырван аккуратно, вдоль переплёта. Вначале можно было подумать, что бумага просто выпала. Но из соседнего листа торчал узкий белый край с отверстиями от скрепок.

— Могли случайно, — заметила Антонина Павловна, сама не веря в это объяснение.

— Могли. Но почему именно день смерти?

Павел, приехавший после работы, забрал копии. Оригиналы остались в защищённом архиве под описью. Он попросил Ирину не искать виноватых самостоятельно.

— Я и не ищу, — ответила она. — Я пытаюсь понять, кто проходил через мой склад так, будто он ничей.

Вечером к посту охраны подошёл Дорохов и застал новый порядок в самом неприятном для него проявлении: собственный пропуск не срабатывал. Степан строго спросил фамилию, документ и цель визита.

— Я директор, — сообщил Дорохов.

— У меня в системе прежний директор записан.

— Так прежнего увольняли при вас!

— Я бумагу не видел.

Антонина Павловна наблюдала сцену из машины. Она не вмешивалась до тех пор, пока Дорохов не позвонил ей сам.

— Вы велели проверять документы у всех? — спросил он.

— У всех. А что?

— Меня не пускают в собственный офис.

— Значит, у нас наконец порядок. Подтвердите полномочия, и пойдут дальше. А Степану выпишите премию, если не нагрубил.

Степан получил от кадров электронное подтверждение, сверил паспорт и пропустил директора. После этого он весь вечер ходил со сдержанной гордостью: впервые начальство похвалило его за то, что он никого не пустил.

Через час выяснилось, что новая система мешает и тем сотрудникам, которые искренне привыкли работать по старым договорённостям. Начальник технического отдела жаловался, что потерял пятнадцать минут, пытаясь забрать ключ от серверной. Ирина объясняла, что ключ нужен ему законно, но копию никто не зарегистрировал. Дорохов начал составлять перечень исключений.

— Если написать исключение для каждого, получится старый порядок, только напечатанный, — сказала Антонина Павловна. — Давайте проще. Пять минут на подпись лучше, чем пять лет потом искать, кто заходил.

Они утвердили простой регламент: срочные работы допускаются по заявке, выдачу ключей фиксируют, старые ключи пересчитывают, лишние копии изымают. Павел настоял, что журнал не должен превращаться в сбор ненужных личных данных: фамилии и служебного основания достаточно.

Когда рабочий день закончился, Ирина показала Антонине Павловне записку, найденную в ящике у охраны. На ней

было всего три слова: «Проверка — лишние проблемы».

— Чья? — спросила Антонина Павловна.

— Не знаю. Может, чей-то старый черновик.

— Может. Поэтому и не станем пока думать, что нам пишут преступники. Слишком легко вообразить себе врагов и слишком трудно потом узнать, кто действительно мешает.

Записку сфотографировали и положили в папку по внутренней проверке. Никто не назвал её угрозой. Но и выбрасывать не стали.

Позже они вместе проверили пропускную базу. В ней значились временные карты, оформленные на сотрудников подрядчиков. Четыре пропуска за последние месяцы использовались после окончания договоров; по одной карте посещали склад преимущественно ночью. На дату двадцать четвёртого марта данные сохранились неполно: часть системы тогда переносили на новый сервер.

— Кто занимался переносом? — спросил Павел.

— Техническая служба, — ответил начальник охраны.

— По чьему распоряжению?

— Барсукова. Через Гришину, она оплачивала договор.

Факт оплаты ни о чём не говорил, но добавлял Тамару в список людей, от которых зависело получение записей. Антонина Павловна отметила это в своём блокноте, не произнося вслух.

В коридоре её догнал молодой грузчик Руслан.

— Антонина Павловна, вы там людям зарплаты не отме-

ните?

— С чего бы?

— Говорят, теперь даже туалет по журналу будет.

— Кто говорит?

— Да все.

— Передайте всем: туалет оставим без отчётности. А вот премию тому, кто придумал эту глупость, выдадим аплодисментами.

Руслан рассмеялся и убежал. Ирина покачала головой:

— Про вас уже легенды ходят.

— Лучше пусть легенды, чем чужие деньги.

Павел остался ещё на час. Он звонил Дорохову, просил закрепить порядок хранения старых журналов, обсуждал с аудитором подтверждение платежей. Когда вышел на улицу, было темно. Возле ворот стояла машина без включённых фар. Павел запомнил номер, но когда попытался сфотографировать, водитель завёл двигатель и уехал.

Антонина Павловна ждала его у проходной.

— Что-то случилось?

— Не уверен. Может, просто чужая машина.

— У нас здесь почему-то всё чужое. Машины, люди, пропуска. Только неприятности свои.

По дороге домой она получила от Дорохова сообщение: найден акт о переносе пропускной системы. Работы принимала комиссия из трёх человек. В числе подписавших — бывший директор, начальник охраны и Тамара Гришина.

Ничего необычного для финансового директора в этом не было: она контролировала оплату. Но Антонина Павловна уже научилась не выбрасывать факты только потому, что они хорошо объясняются.

У охранников нашлась ещё одна подробность. Раньше служебные карты выдавались по письменной заявке, но журнал заявок иногда вёлся не на посту, а в офисе. В марте список временных карт заверял кто-то из администрации, затем бумагу переносили в папку, куда заглядывали редко. Новый порядок предусматривал сверку карты с договором, а не просто с фамилией предъявителя.

— Это займёт много времени, — пожаловался начальник охраны.

— Тогда сократим количество тех, кому карта не нужна, — предложила Ирина.

— Вы хотите лишить людей доступа?

— Хочу, чтобы к моим товарам не ходили люди без причины, — ответила она.

Антонина Павловна заметила, что Ирина стала говорить «мои товары» так же естественно, как она сама когда-то называла своими полки и кассы гастронома. Не в смысле собственности — в смысле ответственности.

В тот же день Ирина обнаружила, что доступы к техническим помещениям частично выдавали по старому списку и частично по новому. Начальник охраны пытался объяснить это постепенным переходом, но не мог назвать дату, после

которой прежние карты перестанут действовать.

— У нас ещё некоторые ключи у подрядчиков, — признался он. — Они по договору должны были вернуть, но никто не приезжал.

— Значит, ключи у людей, которым теперь не за что к нам приезжать, — сказала Антонина Павловна.

— Ну, не совсем. Если замок не меняли, физически возможность доступа остаётся.

— Вы меня сейчас успокаиваете или сами себя пугаете? Дорохов приказал провести учёт, но Павел уточнил, что не нужно устраивать показательные обыски: достаточно документально проверить полномочия, аннулировать ненужные карты и заменить ключи там, где их возврат невозможно подтвердить. Степан, до сих пор считавший себя незаметной частью системы, получил конкретную задачу составить перечень доступа.

Он работал до вечера и принёс две страницы. На первой стояли действующие карты, на второй — фамилии людей, которые давно уволились, но по бумаге всё ещё могли входить. Среди них оказался бывший электрик, переехавший в другой город, и водитель, лишённый допуска после нарушения.

— Призраков у нас хватает, — сказала Антонина Павловна. — Но кормить их за счёт предприятия я не согласна.

Степан неожиданно возразил, что вины охранников здесь не больше, чем администрации: каждое изменение требо-

вало официального сообщения, а сообщения приходили с опозданием.

— Вот поэтому я не спрашиваю, кого уволить, — ответила она. — Я спрашиваю, как сделать, чтобы работала система.

Позже он рассказал Ирине, что впервые за годы начальство выслушало его объяснение до конца. Раньше на посту умели только наказывать за слишком строгую проверку и одновременно требовать строгих проверок после неприятностей.

Антонина Павловна узнала об этом уже дома. Ей было приятно, но она не стала превращать Степана в героя. Завтра ему предстояло снова проверять документы, и делать это следовало не ради похвалы пожилой владелицы.

Одна из временных карт относилась к фирме, которая официально закрыла договор ещё зимой. Но последний проход по ней датировался маем. Начальник охраны сказал, что пропуска могли остаться у работников подрядчика по ошибке. Павел согласился, что это возможное объяснение, и попросил установить, кем карта была выдана первоначально и на каком основании её не заблокировали.

— А нельзя просто спросить у подрядчика? — предложила Антонина Павловна.

— Можно, — сказал Павел. — Только не по номеру, который написан на старом пропуске. Проверим актуальные реквизиты, чтобы не предупреждать неизвестно кого.

В этот же день пост охраны пережил маленькую револю-

цию, которую никто не планировал. Новая уборщица попросила ключ от помещения с моющими средствами, а дежурный отказал: фамилия отсутствовала в списке. Женщина посмотрела на него с таким возмущением, будто он предложил ей мыть полы на улице.

— Я здесь полтора года, — сказала она. — Вы меня вчера пропускали.

— Вчера другой список был.

— А сегодня я что, по возрасту моложе стала?

Антонина Павловна, оказавшаяся у проходной, попросила разобраться. Оказалось, что уборщицу оформляли через подрядную организацию. Договор действовал, но списки сотрудников обновлялись с опозданием, а ключ хранился на посту без расписки.

— Прекрасно, — сказала она. — Сначала человека заставляем работать, потом не пускаем к его инвентарю. Когда я была директором магазина, у нас за такое продавщицы меня бы с прилавком вынесли.

Начальник охраны предложил составить новый перечень. Ирина настояла, чтобы уборщице выдали разовый допуск после подтверждения её данных у подрядчика, а затем согласовали постоянный. Антонина Павловна поддержала это решение, хотя соблазн просто сказать «дайте женщине ключ» был велик.

— Запишите, — велела она, — что новая система нужна не для издевательств над теми, кого мы знаем, а чтобы не

впускать тех, кого никто не знает.

За разговорами они заметили ещё одну странность. На стене висел старый список с фамилиями ответственных лиц, написанный маркером. У трёх фамилий были поставлены маленькие звёздочки. Дежурный пояснил: так обозначали тех, кому разрешалось проходить без обычного звонка по внутреннему номеру.

— Кто придумал звёздочки? — спросил Павел.

— Начальство. Не помню кто. Они здесь давно.

— А почему решение не сохранилось в приказах?

— Наверное, чтобы было быстрее.

Антонина Павловна сняла со стены список. Рука тянулась выбросить его в корзину, но Павел остановил:

— Сначала сфотографируем и опишем, где он находился. Это может оказаться обычным пережитком. Всё равно сохраняем.

— Павел Сергеевич, скоро вы велите мне хранить фантики из урны.

— Если на фантиках кто-нибудь подписывает финансовые поручения — непременно.

Она рассмеялась, но список передала ему. Про прошлый март звёздочки ничего не доказывали: никто не знал, когда их поставили. Зато показывали, почему в здешней системе человеку было так легко остаться невидимым для бухгалтерии и видимым для охраны.

Ближе к концу смены Ирина обнаружила, что уборщица

уже внесена в актуальный реестр. Женщина убрала коридор и, проходя мимо Антонины Павловны, неожиданно сказала: — Теперь всё по правилам. Даже ведро у меня по списку. — Берегите ведро, — ответила та. — У нас ему, кажется, скоро потребуется отдельный паспорт.

Ближе к вечеру новая система учёта ключей устроила компании испытание, которого никто не заказывал. На северный пост приехал мастер по холодильному оборудованию. Холодильный блок в складской зоне тревожно пищал и показывал температуру, с которой замороженная продукция скоро могла познакомиться с обычной жизнью.

Мастер предъявил паспорт, письмо от подрядчика и заказ-наряд. Степан всё изучил и сообщил, что в списке допущенных работников указан другой человек.

— Тот заболел, — объяснил мастер. — Я вместо него. Вы же сами аварийную заявку дали.

— Заявку дали, — подтвердил Степан. — Но фамилия другая.

— А если холодильник сломается, вы тоже будете фамилию спрашивать у него?

Степан посмотрел на пульт сигнализации, потом на журнал. Героический порыв пропустить специалиста немедленно вступил в спор с новым правилом, которое он ещё вчера защищал с редкой для себя убеждённостию.

Он позвонил Ирине. Ирина — начальнику эксплуатации. Тот не отвечал. За следующие семь минут возле проходной

собрались трое сотрудников, каждый со своим предложением. Один советовал позвать Шатова, второй — пустить мастера через соседнюю дверь, третий — просто отключить звук тревоги, «чтобы не нервировал».

Антонина Павловна, приехавшая на встречу с аудитором, застала их в момент, когда холодильник начинал выигрывать спор.

— Что происходит?

— Нельзя пропустить ремонтника, — сказал Степан. — Не внесён в список.

— А кто должен внести?

Ответили сразу четверо. Их версии не совпали ни в одном слове.

— Прекрасно, — сказала Антонина Павловна. — Правило придумали, ответственного забыли. У нас бумага охраняется лучше продуктов.

Павел по телефону объяснил, что выход есть: проверить полномочия подрядной организации через уже известный служебный контакт, оформить разовый допуск с конкретной целью, временем и сопровождающим и зафиксировать всё в журнале. Не менять правило задним числом, а применять предусмотренный порядок аварийного доступа.

— Вы это мне сейчас рассказываете или проводите юридический семинар? — спросила Антонина Павловна.

— И то и другое. Но вначале проверьте номер подрядчика. Не звоните на номер с нового письма, если у вас есть

прежний договор.

Ремонтник стоял в стороне с чемоданчиком инструментов. Он уже перестал ругаться и теперь наблюдал, как взрослые люди учатся договариваться без тайного прохода через забор.

Через пять минут сервисная компания подтвердила его фамилию и замену заболевшего коллеги. Начальник эксплуатации нашёлся: разговаривал в подземной стоянке, где не ловила связь. Разовый пропуск оформили, сопровождение назначили. Мастер ушёл к холодильникам и через сорок минут сообщил, что проблема в датчике, а не в самом агрегате. Температура не успела превысить допустимый диапазон.

— Ну что? — спросил Степан, когда Антонина Павловна возвращалась к машине. — Правильно я его не пустил?

— Правильно, что не пустили без проверки. Неправильно, что по правилам проверять было некому. И ещё неправильно, что вы втроём собирались отключить сигнализацию, чтобы она вам не мешала.

— Это не я предлагал.

— Знаю. Вы предложили позвать Шатова. После истории с холодильником мне особенно приятно, что ему вы не доверили термометр.

Степан хмыкнул, но потом неожиданно спросил:

— А если бы товар испортился? Кто виноват?

Антонина Павловна посмотрела на выстроенные в ряд ключи. Ей хотелось дать короткий и строгий ответ. Но ко-

роткого честного ответа не было.

— Разбирались бы, кто и что должен был сделать, — сказала она. — Не искали бы самого маленького по должности. И на будущее у аварийной заявки должен быть такой порядок, чтобы никто не выбирал между безопасностью и сохранностью товара.

На следующий день Дорохов утвердил список ответственных за экстренный допуск и их замещающих. Ирина повесила возле проходной одну страницу с телефонами. Степан читал её минут десять и остался доволен: наконец появилась бумага, которую он мог использовать без совета всей компании.

Позже Дорохов доложил, что часть старых пропусков уже аннулировали. Но перед этим выгрузили сведения о посещениях и сохранили исходные журналы. Эта аккуратность нравилась Антонине Павловне. Она сама однажды устроила в магазине скандал из-за украденных шоколадок, а потом выяснила, что коробку переложили за холодильник. С тех пор старалась не начинать с приговора. Обычно удавалось.

Дома она переписала в блокнот четыре фамилии и рядом нарисовала маленький знак вопроса. Затем взяла ручку другого цвета и подчеркнула отдельно: «Нельзя путать подозрение с доказательством».

Эту мысль она, кажется, впервые за много лет решила направить не против сотрудников, а против самой себя.

Глава 10. Цена спокойствия

Предложение Шатова принесли не курьером, а через адвоката. Тот заранее позвонил Павлу, назначил встречу в кафе рядом с юридической конторой и, едва сев, положил на стол запечатанный конверт.

— Это окончательные условия, — сообщил он.

— Само слово «окончательные» я слышал уже дважды, — ответил Павел.

— Теперь действительно окончательные.

Внутри лежал проект сделки на сорок миллионов рублей и сопроводительное письмо. Шатов предлагал оплатить покупку быстро, но требовал подписать соглашение о конфиденциальности, отказаться от требований к прежнему руководству и прекратить аудит «в целях сохранения деловой репутации общества». Срок для ответа — сорок восемь часов.

— Иначе? — спросил Павел.

Адвокат сложил руки на столе.

— Иначе мой доверитель не сможет гарантировать благоприятную обстановку для переговоров.

Павел медленно убрал письмо обратно в конверт.

— Я правильно понимаю, что это ваша формулировка?

— Это предупреждение о рисках.

— Тогда запишите, что мы услышали его именно так. И в дальнейшем любые предложения направляйте письменно.

Он переслал Антонине Павловне фотографии документов, не дожидаясь конца встречи. Та была у Валентины, где помогала перевешивать кухонную полку.

— Сорок миллионов, — произнесла Валентина, увидев сумму. — Тоня, это же целая жизнь.

— У меня она уже есть. Не вся, конечно, но своя.

— Может, возьмёшь? Раз уж предлагают. Сколько можно переживать?

Антонина Павловна затянула последний шуруп и осторожно отпустила полку.

— У Ильи тоже была жизнь. Её вот никто выкупить не предложил.

Валентина поставила чайник. Несколько минут они работали молча: одна убирала инструмент, другая протирала пыль там, где раньше висела полка.

— Ты ведь понимаешь, что у них денег больше, чем у тебя? — спросила Валентина.

— Понимаю.

— И людей своих наверняка хватает.

— Наверняка.

— Тогда почему ты такая упёртая?

Антонина Павловна села.

— Потому что я ему когда-то сказала, что он связался не с теми. Потом три года ждала, когда первый придёт мириться. Теперь думаю: может, он и сам ждал. Я не знаю, Валя. Не знаю, что там у них случилось. Но если я сейчас подпишу их

бумажку, то никогда не узнаю.

Подруга пододвинула ей чашку.

— А может, знать и не надо?

— Может. Только я всю жизнь учила людей отвечать за недостатки. Неправильно на старости лет делать исключение для самой большой.

Ответ Шатову она подготовила вместе с Павлом: от продажи доли отказывается, аудит продолжится, любые спорные вопросы должны решаться законными способами. Дорохову она отдельно поручила подготовить сведения о финансовых операциях для обращения в компетентные органы после проверки их достоверности.

На следующий день в компании произошло сразу три события, которые по отдельности могли показаться обычными. Один крупный клиент неожиданно приостановил поставки. Подрядчик по ремонту техники отказался выходить на объект без полной предоплаты. Банк запросил дополнительные пояснения по некоторым операциям.

Дорохов считал, что события связаны с конфликтом участников. Павел просил не делать поспешных выводов. Антонина Павловна нашла в этой ситуации один очевидный недостаток:

— Если все разом заболели, значит, у нас плохая профилактика.

Она настояла на прямых переговорах с клиентом. Без угроз, без закулисных звонков. Дорохов показал текущие от-

грузки, объяснил изменения в управлении и подтвердил готовность выполнить договор. Выяснилось, что клиенту накануне звонил неизвестный человек, представившийся «старшим партнёром», и посоветовал искать другого перевозчика.

— У нас таких партнёров по документам нет, — сказал Дорохов.

— Значит, у кого-то очень разрослась должность, — ответила Антонина Павловна.

Клиента удалось удержать. С подрядчиком договорились о поэтапной оплате после проверки выполненных работ. Банку предоставили документы. Вечером Антонина Павловна впервые за месяц почувствовала удовлетворение: не потому, что кого-то перехитрила, а потому, что оказалось можно решать проблемы без крика.

После переговоров с клиентом она зашла в складскую столовую. Здесь пахло супом, жареным луком и свежим хлебом. За дальним столом сидели механики, а за ближним две женщины из отдела логистики обсуждали детские оценки. Разговоры смолкли, когда Антонина Павловна появилась в дверях.

— Что за тишина? — спросила она. — Раньше здесь по четвергам хор репетировал?

Повариха по имени Нина предложила ей котлету и картофельное пюре. Антонина Павловна приняла предложение, заплатила как обычный посетитель и уселась возле окна. Через несколько минут механик осмелился пожаловаться на за-

держку поставки деталей.

— Я слышала, — сказала она. — Дорохов сейчас этим занимается.

— А если опять не привезут?

— Тогда будем искать другого поставщика. Но денег за непривезённое не заплатим.

— Раньше платили, — заметил механик и тут же испугался своей откровенности.

— Вот потому и будем искать другого.

Ели молча. Затем повариха принесла компот, хотя Антонина Павловна его не заказывала.

— За счёт столовой, — сказала Нина.

— Нельзя за счёт столовой. У столовой тоже бухгалтерия есть. Запишите мне в чек.

— Да там двадцать рублей всего.

— А если каждый день по двадцать, к Новому году сами удивитесь.

За соседним столом рассмеялись. Нина покачала головой, но внесла компот в чек.

Смех за соседним столом закончился, но механик, который обмолвился о непривезённых запчастях, так и не вернулся к еде. Он аккуратно сложил ломтик хлеба пополам и смотрел в тарелку. Антонина Павловна заметила это сразу.

— Вы ведь хотели что-то сказать, — обратилась она к нему.

— Я уже сказал лишнее.

— Лишнее — это когда человек рассказывает, как ему не понравился чужой отпуск. А вы про запчасти. На предприятии без них обычно мало удовольствия.

Механика звали Евгением, и он, немного поколебавшись, показал список неисправных машин. В нём было семь позиций. По двум уже имелись оплаченные счета, но в мастерскую ничего не приходило. По третьей товар доставили, только деталь оказалась неподходящей. Евгений отправлял заявку на возврат и получил распоряжение «не осложнять взаимоотношения с поставщиком».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.